ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
ЧД2
0675

№ 2603

РУССКАЯ СВОБОДНАЯ БИБЛІОТЕКА. № 2.

Zar Nicolaus II., seine Umgebung und seine Ratgeber.
Le Czar Nicolaus II., son milieu et ses conseillers.

4 A 2
0675

ЦАРЬ НИКОЛАЙ II.

его среда и совѣтники.

П. ОРЛОВЪ.

ДАВОСЪ.
Изданіе Акц. Общ. Давосской Типографіи.
1905.

Verlag Buchdruckerei Davos A.-G., Davos-Platz (Schweiz). 1905.

Библиотека ИМЭЛ
413896 γ

РУССКАЯ СВОБОДНАЯ БИБЛІОТЕКА. № 2.

Ц Л 2
0675

Zar Nicolaus II., seine Umgebung und seine Ratgeber.

Le Czar Nicolaus II., son milieu et ses conseillers.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ II.

его среда и совѣтники.

BIBLIOTHEQUE
GEORGES KOUKLINE

Сочиненіе П. ОРЛОВА.

ДАВОСЪ.
Изданіе Акц. Общ. Давосской Типографіи.
1905.

Verlag Buchdruckerei Davos A.-G., Davos-Platz (Schweiz).

4D2
0675
4-13896

2019
y

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ виду чрезмѣрныхъ притѣсненій русской цензуры, запрещающей печати затрагивать самые животрепещущіе вопросы, съ условіями русской жизни и политики можно объективно познакомиться только по такъ называемой нелегальной литературѣ, запрещенной и преслѣдуемой въ границахъ Россіи, но за то широко и свободно развивающейся за границей. О Россіи имѣется довольно богатая литература и на иностранныхъ языкахъ, но къ ней слѣдуетъ относиться въ высшей степени осторожно, такъ какъ она, за исключеніемъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ и серьезныхъ сочиненій, создана или авторами, которые очень поверхностно знаютъ Россію и поэтому вносятъ въ свои повѣствованія много фантастическихъ вымысловъ, или — людьми, которые пишутъ по порученію и за деньги русскаго правительства и нарочно извращаютъ истину, для того чтобы представить царское самодержавіе въ возможно привлекательномъ видѣ и поддерживать его кредитъ въ финансовыхъ сферахъ Западной Европы.

Изъ русскихъ изданій самое объективное и самое всестороннее освѣщеніе всѣхъ событій и всѣхъ сторонъ жизни даетъ „Освобожденіе“, матеріалами котораго мы больше всего пользовались для предлагаемыхъ читателю очерковъ.

I. Воспитаніе царя.

Трудно себѣ представить большую иронію исторіи, чѣмъ личность Николая II. въ роли самодержца Всероссійскаго. Передъ нами съ одной стороны юридически всесильный повелитель надъ одной шестой частью всей суши земного шара, властитель надъ сотнею народовъ, неограниченный властелинъ надъ 140 милліонами жителей, жизнь и смерть которыхъ находятся всецѣло въ его рукахъ, собственникъ могущественнѣйшаго государства, въ которомъ каждое его слово — законъ. Такое могущество, никогда еще не концентрировалось въ рукахъ одного человѣка. Власть Александра Великаго и даже римскихъ императоровъ совершенно блѣднѣетъ передъ всемогуществомъ русскаго царя. Нѣтъ ни одной исторической личности, которая была бы слишкомъ велика для того, чтобы взять на себя тѣ неограниченныя полномочія, которыя русскіе законы предоставляютъ царю. Но кто является носителемъ этого неограниченнаго всемогущества? Жалкій, маленькій, болѣзненный человѣчекъ, со слабымъ тѣломъ и еще болѣе слабой душой, человѣкъ безъ образованія, безъ знаній, безъ характера и воли, человѣкъ совершенно зависимый отъ своей среды и своихъ окружающихъ, которые толкаютъ его, какъ куклу, куда имъ заблагораз-

судится и пользуются его слабостью для своихъ корыстныхъ цѣлей.

„Въ Россіи нѣтъ закона: Есть столбъ, а на столбѣ корона“, говорилъ въ свое время Пушкинъ. Ни къ кому изъ русскихъ императоровъ эти слова такъ не подходятъ какъ къ Николаю II., этому манекену въ рукахъ безответственныхъ проходимцевъ русской бюрократіи.

Придворная жизнь, окружающая всѣхъ власть имущихъ и власть ожидающихъ туманомъ раболѣпства, колѣнопреклонства и безстыдной лести, не способна вырастить цѣльныхъ натуръ со стойкимъ характеромъ и здоровымъ взглядомъ на жизнь. Подтакая съ дѣтства каждому капризу будущаго монарха и льстиво восхищаясь каждымъ его шагомъ, какъ бы уродливъ онъ ни былъ, придворные приживальцы вселяютъ въ него излишнее самомнѣніе и вредное упорство. Поэтому между русскими самодержцами такъ много самодуровъ. Но сомодурство отца часто совсѣмъ лишаетъ сына характера.

Домашняя атмосфера семейнаго деспота Александра III., въ которой выросъ Николай, не способствовала развитію сильной индивидуальности. Александръ не признавалъ чужой воли въ своемъ государствѣ; еще менѣе онъ могъ терпѣть возраженія въ своей семьѣ. Индивидуальность престолонаслѣдника, Николая Александровича, была совершенно подавлена крѣпкимъ кулакомъ нервнаго отца. А тѣ посредственныя способности, которыми онъ обладалъ отъ природы, онъ самъ подтачивалъ, отдаваясь съ юныхъ лѣтъ тайному пороку.

Озабоченный слабостью и болѣзненнымъ состояніемъ престолонаслѣдника, Александръ III. призвалъ одного знаменитаго нѣмецкаго профессора и поручилъ ему изслѣдовать юношу. Профессоръ откровенно сообщилъ царю,

что на улучшеніе здоровья юноши разсчитывать невозможно, пока онъ не перестанетъ предаваться извѣстному пороку. За такую откровенность профессоръ получилъ увѣсистую пощечину отъ царской руки. Тѣмъ не менѣе Александръ III. принялъ къ свѣдѣнію профессорскія слова и смотрѣлъ сквозь пальцы на амурныя похожденія сына, которыя не заставили себя ждать, какъ только послѣдній началъ возмужать. Этимъ онъ надѣялся вылѣчить сына отъ порока.

Александръ III. потреблялъ алкоголь въ большомъ количествѣ и во всевозможныхъ видахъ. Но за то онъ отличался крайне рѣдкими въ своей династіи семейными добродѣтелями и былъ вѣрнымъ супругомъ.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ прямой противоположностью своего отца Александра II., который держался очень либеральныхъ взглядовъ на счетъ прекраснаго пола. Александръ Александровичъ относился строго къ любовнымъ похожденіямъ своихъ придворныхъ. Эта строгость, конечно, не искоренила распутства, господствовавшаго въ русскихъ придворныхъ сферахъ, а заставила его только быть осторожнѣе и не щеголять передъ всѣмъ свѣтомъ своей наглостью. За то по смерти Александра III. развратъ проявился тѣмъ безцеремоннѣе и безстыднѣе, какъ будто желая вознаградить себя за то, что онъ раньше долженъ былъ прятаться отъ чужихъ глазъ. Даже вдовствующая императрица, Марія Ѳедоровна, не отставала отъ общаго увлеченія, и ея связь съ Воронцовымъ-Дашковымъ составляетъ всѣмъ извѣстную тайну. Если вѣрить гласу народа, или вѣрнѣе гласу придворной знати, то эта связь началась еще при жизни Александра III.

Хотя Александръ III. преслѣдовалъ распутство своихъ приближенныхъ, но на амуры старшаго сына онъ не об-

ращалъ вниманія до поры до времени. Только когда связь молодого престолонаслѣдника съ красивой польской артисткой Ксешинской стала извѣстной въ очень широкихъ кругахъ, онъ велѣлъ дѣло сіе прекратить и выслать польку изъ Петербурга, а сына женилъ на нѣмецкой принцессѣ.

Николай Александровичъ привыкъ слушаться папеньку. Но на этотъ разъ ему не легко было повиноваться волѣ упрямаго отца и онъ закапризничалъ. Капризъ, конечно, не измѣнилъ рѣшенія Александра III. и повелъ только къ тому, что цесаревичъ былъ отправленъ путешествовать на Востокъ и подумать о сыновьихъ обязанностяхъ къ „незабвеннымъ родителямъ“. На этомъ путешествіи, какъ извѣстно, тогдашній престолонаслѣдникъ получилъ отъ фанатичнаго японца ударъ саблей по головѣ и чуть не поплатился жизнью. По возвращеніи домой, Николай Александровичъ покорно повиновался строгому отцу, женился на комъ велѣли и спокойно ждалъ смерти родителя, чтобы не только самому сдѣлаться свободнымъ, но и свободу цѣлаго народа забрать въ свои руки.

Русскимъ императорамъ много приходится бороться противъ просвѣщенія. Поэтому они смотрятъ на образованіе вообще косо, а для себя считаютъ его болѣе или менѣе лишнимъ.

Громадную роль въ этомъ предразсудкѣ играютъ, безъ сомнѣнія, унаслѣдованныя самодержавныя традиціи. Китайскій богдыханъ считается всевѣдущимъ и роль министровъ, по воззрѣніямъ китайцевъ, заключается только въ томъ, что они напоминаютъ императору то, что онъ самъ знаетъ лучше всѣхъ другихъ. Русскіе богдыханы еще не развились до всевѣдѣнія, но во всякомъ случаѣ они считаютъ себя на столько умными, что просвѣщеніе для нихъ является лишнимъ балластомъ. Самое

важное для нихъ — помазаніе. Если это достигнуто, то все остальное дается само собою. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ и такихъ взглядахъ придворныхъ сферъ и Николай II. не получилъ дотаточнаго образованія. Онъ записался въ военную службу и дослужилъ до чина полковника, въ какомъ и теперь еще считается. Служба его разумѣется, заключалась только въ томъ, что онъ носилъ опредѣленный мундиръ и по всѣмъ правиламъ военнаго искусства былъ записанъ въ число гвардейскихъ офицеровъ. Къ военнымъ наукамъ онъ, очевидно, не питалъ симпатій и лавры полководца его совершенно не прельщаютъ. Это было бы еще полбѣды, если бы престолонаслѣдникъ заполнилъ этотъ пробѣлъ болѣе достойными знаніями по вопросамъ государственной жизни. Но онъ не занимался и государственными дѣлами. Самъ онъ ими не интересовался, а люди, которымъ надлежало заботиться о развитіи юноши, не считали этого необходимымъ. Такимъ образомъ молодой монархъ поступилъ на престолъ съ очень ограниченнымъ научнымъ багажемъ, скудость котораго тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что и природа очень бѣдно его одарила умомъ и волей.

Въ виду этого можно себѣ представить, какимъ безпомощнымъ долженъ себя чувствовать этотъ слабый человѣкъ въ своемъ юридическомъ всемогуществѣ. Онъ могъ бы сдѣлать все, что бы онъ захотѣлъ, а онъ совершенно не знаетъ, чего онъ долженъ хотѣть.

Амфитеатровъ въ своей злой сатирѣ: „Господа Обмановы“ ядовито насмѣхается надъ путанницей во взглядахъ молодого монарха. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь слова талантливаго публициста.

„И весь домъ читалъ „Гражданинъ“, читалъ и Ника-Милуша, хотя злые языки говорили, и говорили правду,

будто подговоренный мужичокъ съ ближайшей желѣзнодорожной станціи носитъ ему потихоньку и „Русскія Вѣдомости“. И будто сидитъ, бывало, Ника-Милуша, якобы „Гражданинъ“ изучая, — анъ, подъ „Гражданиномъ“ то у него „Русскія Вѣдомости“. Нѣтъ папаши въ комнатѣ, онъ въ „Русскія Вѣдомости“ вопьется. Вошелъ папаша въ комнату, — онъ сейчасъ страничку перевернулъ и пошелъ наставляться отъ кн. Мещерскаго, какъ надлежитъ драть кухаркина сына въ три темпа и получилось изъ такой Никиной двойной читанной бухгалтеріи два невольныхъ самообмана.

— Твердый дворянинъ изъ Ники будетъ! думалъ отецъ.

На станціи же о немъ говорили:

— А сынокъ-то не въ папашу вышелъ. Свободомыслящій! Это ничего, что онъ тихоня. Но смотрите! Вотъ достанутся ему Большіе-Головотяпы, онъ себя покажетъ! Отъ всѣхъ этихъ дворянскихъ папашиныхъ затѣй-рацей только щепочки полетятъ.

И отецъ, и станція равно глубоко ошибались. Изъ всего, что было Никѣ темно и загадочно въ жизни, всего темнѣе и загодочнѣе оставался вопросъ:

— Что собственно я, Никандръ Обмановъ, за человѣкъ, каковы суть мои намѣренія и убѣжденія?

Отъ привычки урывками читать „Гражданинъ“ не иначе, какъ въ перемежку съ потаенными „Русскими Вѣдомостями“, въ головѣ его образовалась совершенно фантастическая сумятица. Онъ совершенно потерялъ границу между дворянскимъ охранительствомъ и доктринерскимъ либерализмомъ и съ полною наивностью повторялъ иногда свирѣпыя передовицы кн. Мещерскаго, воображая, будто цитируетъ защиту земскихъ учрежденій въ „Русскихъ

Вѣдомостяхъ", либо, наоборотъ, пробѣжавъ изъ подъ листа „Гражданина" передовицу московской газеты, говорилъ какому-нибудь сосѣду:

— А здорово пишетъ въ защиту всеобщаго обученія грамоты князь Мещерскій!

Такъ характеризуетъ царя выдающійся русскій публицистъ. За этотъ фельетонъ Амфитеатрова газета „Россія" была сразу прекращена, а самъ авторъ сосланъ въ Сибирь.

Несмотря на строгія кары, какими преслѣдуются оскорбленія Величества въ Россіи, даже фельетонистъ „Новаго Времени" рискнулъ лягнуть русскаго самодержца. Въ номерѣ „Н. В." отъ 13. апр. 1904 г. было напечатано слѣдующее стихотвореніе:

РАЗДВОЕНІЕ.

Что за мученіе адское!
Въ сердцѣ моемъ все раздвоено:
Чую въ себѣ я и воина,
Чую я нѣчто и штатское:
Страсти имѣютъ двоякую
Власть надъ душой моей хрупкою,
Брежу и мира я трубкою,
Жажду немного и драки я.
О, состоянье тревожное!
Долю кляну я проклятую...
Я и за истину ратую,
Мило порой мнѣ и ложное.
Тропы люблю я привычныя,
Лѣзу и въ чащу я дикую;
Душу имѣю двуликую,
Рѣчи веду двуязычныя.
Кто-жъ я? Родился-ль избранникомъ?
Мамкой ушибленъ по темени?
Или же смутнаго времени
Просто являюсь я данникомъ?...

Каждый, знакомый съ русскими условіями, сразу пойметъ, кто воспѣвается въ этомъ стихотвореніи. Цензура замѣтила стихи только послѣ того, какъ газета разошлась по всѣмъ краямъ. Послѣ неудачнаго опыта со статьей Амфитеатрова, которая именно благодаря правительственному преслѣдованію получила самую широкую извѣстность, главное управленіе по дѣламъ печати было осторожнѣе. Оно дѣлало видъ, что вовсе не замѣчаетъ стихотворенія; но все-таки чтобы не оставлять преступленіе безъ наказанія, оно черезъ недѣлю воспретило розничную продажу газеты, придираясь къ довольно безобидной статьѣ Сигмы „о патріаршествѣ“.

Благодаря своей безпомощности, Николай II. составляетъ излюбленную тему для анекдотовъ и каррикатуръ. Нѣтъ никакой возможности передать безконечное разнообразіе этихъ произведеній, между которыми имѣются какъ талантливыя творенія западноевропейскихъ мастеровъ каррикатуры, такъ и бездарныя произведенія илотовъ искусства. Но во всѣхъ изъ нихъ звучитъ одна нота: Николай изображается какъ существо безпомощное, неспособное ни на что положительное, всѣ хорошія слова котораго покрываются самой безотрадной и дикой дѣйствительностью.

Большую сенсацію произвела англійская каррикатура во время Гаагскаго конгресса, изображающая вѣнценоснаго Николая, со всѣми атрибутами царскаго наряда, сидящимъ между пушекъ и вяжущимъ чулокъ.

Больше всего вниманія удѣляетъ русскому царю и русскимъ условіямъ знаменитый нѣмецкій сатирическій листокъ „Simplicissimus“. Передъ нами каррикатура, изданная и русскими революціонерами, и получившая извѣстность благодаря Кенигсбергскому процессу. Между

грудъ убитыхъ гражданъ стоятъ висѣлицы, на которыхъ висятъ казненный студентъ и рабочій. Царь приводитъ къ повѣшеннымъ свою дочку и съ улыбающимся лицомъ говоритъ, что теперь наконецъ онъ будетъ жить въ дружбѣ со своимъ народомъ.

Еще ядовитѣе каррикатура подъ заглавіемъ: „Какъ царь участвуетъ въ войнѣ“. Лицо Николая II. изображено довольно удачно; изъ одного глаза катится большая слеза. Плачущій самодержецъ сидитъ за столомъ и на швейной машинѣ Зингера шьетъ что-то бѣлое, должно быть подштанники для раненныхъ на полѣ сраженія солдатъ.

И въ устной народной молвѣ о царѣ, которая тоже довольно богата, звучитъ одинъ и тотъ же мотивъ, какъ и въ каррикатурахъ — безпомощность и неспособность его. Самые остроумные изъ безконечнаго числа анекдотовъ слѣдующіе:

Во время первыхъ крупныхъ студенческихъ безпорядковъ является къ царю Ванновскій и заявляетъ, что теперь надо дать студентамъ свободу и удовлетворить ихъ требованія; иначе нѣтъ возможности поддержать порядокъ. Царь, выслушавъ его, отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ!“ За Ванновскимъ влетаетъ Плеве и кричитъ: „Засѣчь ихъ надо! По тюрьмамъ ихъ! Въ Сибирь сослать! Иначе нельзя!“ Царь кротко отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ“. Но тутъ его „любезная супруга“, смущенная этимъ отвѣтомъ, замѣчаетъ, что онъ только-что хотѣлъ дать студентамъ свободу. Онъ обращаетъ на нее свой смущенный взоръ и отвѣчаетъ: „Совершенно сагласенъ съ тобой, Сашенька!“

Не хуже слѣдующая повѣсть: Разъ царю приснился страшный сонъ. На берегу Невы стояли три коровы: одна жирная, другая тощая и третья слѣпая. Жирная корова

пожирала тощую, а слѣпая смотрѣла на это и какъ будто ничего не понимала. —

Никто изъ министровъ не могъ объяснить значеніе этого страннаго сна. Наконецъ рѣшились обратиться къ Іоанну Кронштадтскому. Прибылъ мудрый старецъ и, выслушавъ зловѣщій сонъ, истолковалъ его царю слѣдующимъ образомъ: „Жирная корова, это, царь, твои министры; тощая корова, это твой многострадальный народъ, а слѣпая корова, это ты самъ, царь-государь!“

II. Частная жизнь царя.

Въ началѣ 1897 г. въ Петербургѣ появился слухъ о томъ, что Николай II. серьезно боленъ. Въ Россіи объ этомъ только говорили, но заграничная печать дѣлала различныя предположенія, будто царь настолько слабъ, что не можетъ заниматься государственными дѣлами и на его мѣсто будто хотятъ назначить регента. Николай страдалъ отъ сильной головной боли, которая доводила его почти до помѣшательства. Головныя боли вызывались нарывомъ, который образовался на черепѣ Николая въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ получилъ рану въ Японіи. По мнѣнію Петербургскихъ врачей нарывъ былъ послѣдствіемъ того, что подъ черепомъ остался еще кусочекъ кости, не удаленный при операціи, который теперь и вызываетъ воспаленіе. Операція была необходима. Вопросъ заключался лишь въ томъ, слѣдуетъ ли удалить только нарывъ съ черепа, или же вскрыть черепъ и вынуть оттуда ту кость, которая, по предположенію врачей, является причиной нарыва. Но послѣдняя операція была сопряжена съ опасностью для жизни царя и консиліумъ изъ русскихъ врачей, со знаменитымъ хирургомъ Павловымъ во главѣ, рѣшилъ сначала удалить нарывъ и ждать дальнѣйшаго хода болѣзни. Къ опасной операціи рѣшили прибѣгнуть только въ край-

немъ случаѣ. Операція удалась и царь началъ чувствовать себя лучше. Головныя боли на время прошли, но угнетенное душевное состояніе его все-таки не покидаетъ, и время отъ времени появляются слухи, что царь даже нуждается въ помощи психіатра.

На душевное состояніе царя вліяетъ не только его болѣзнь, но и многія другія обстоятельства, и главнымъ образомъ страхъ за свою жизнь, который нигдѣ его не покидаетъ.

Угнетающимъ образомъ далжно было подѣйствовать на царя и то обстоятельство, что даже ближайшіе ему люди старались извлечь пользу изъ его болѣзни и пытались убѣдить его отказаться отъ престола. Планъ заключался въ томъ, что передъ операціей Николай II. долженъ назначить регентшей вдовствующую императрицу, Марію Ѳедоровну и передать ей всю власть. Его утѣшали, что по его выздоровленіи вся власть будетъ снова возвращена ему. Царь рѣшительно возсталъ противъ этого намѣренія. Онъ понялъ, что это только благовидный предлогъ, чтобы его окончательно удалить съ трона. Но Николай II. самъ не умѣетъ пользоваться своею властью, царствованіе доставляетъ ему только страданія и заставляетъ его на каждомъ шагу бояться за свою жизнь. Если онъ все-таки такъ цѣпко держится за тронъ и не хочетъ уступить его даже своей матери, то здѣсь нельзя усмотрѣть сознательнаго стремленія къ власти, здѣсь безсознательно проявляется инстинктъ самосохраненія.

Какъ бы то ни было, но больше всего Николая угнетаетъ тотъ фактъ, что во главѣ всей интриги, направленной къ удаленію его съ престола, находилась вдовствующая императрица, его „незабвенная“ родительница.

Черезъ три года, въ концѣ 1900 г., проектъ регентства снова всплылъ среди интригъ Зимняго дворца. Николай жилъ на югѣ Крыма, въ Ливадіи, гдѣ русскіе цари часто ищутъ убѣжища отъ суровой петербургской зимы. Южная часть Крыма недаромъ называется блаженнымъ краемъ. Природа щедрой рукой одарила этотъ уголокъ чудной растительностью, рядомъ съ восточными платанами растутъ здѣсь кедры, кипарисы, фиговыя и оливковыя деревья. Мягкій воздухъ освѣжаетъ легкія; дикія вершины Яйлы и поверхность лазурнаго моря ласкаютъ глазъ своею красотою. Имѣніе Ливадія съ паркомъ занимаетъ площадь въ 300 десятинъ и расположено въ чудномъ мѣстѣ. Александръ II. купилъ его у графа Потоцкаго за громадную сумму денегъ и подарилъ ее Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. Съ тѣхъ поръ Ливадія стала любимымъ мѣстомъ пребыванія царской фамиліи.

Но несмотря на красоту этого мѣста, несмотря на то, что здѣсь, кажется, все дышетъ счастьемъ, царь и здѣсь не находилъ покоя и счастья. Ливадія видѣла больше слезъ, чѣмъ радости. При Александрѣ III. она казалась скорѣе тюрьмой, чѣмъ царской дачей. Часть пристроекъ и теплицъ были превращены въ казармы, наполненныя солдатами для защиты царя отъ покушеній. По всѣмъ окрестностямъ на разстояніи нѣсколькихъ миль постоянно бродили патрули солдатъ и полиціи. Казалось, будто непріятельское войско расположено здѣсь лагеремъ. Населенію было строго запрещено заблудиться въ окрестностяхъ дворца, и кто бы осмѣлился на такое страшное преступленіе, за которое грозила немедленная смерть отъ солдатской пули?! Жители со страхомъ избѣгали близость дворца и мужикъ, взглянувъ на куполы великолѣпнаго

3896

царскаго обиталища, съ жуткимъ чувствомъ перекрестился и обходилъ его подальше.

Ливадія не была островомъ блаженныхъ и врядъ ли такимъ когда-либо будетъ. За сторожевыми постами солдатъ и сыщиковъ Александръ III. скончался въ ней 1 ноября 1894 г. Онъ достигъ по крайней мѣрѣ того, что умеръ естественной смертью.

Въ началѣ царствованія Николая II. Ливадія не была уже похожа на военный лагерь. Армія солдатъ и полицейскихъ была значительно уменьшена, но тѣмъ не менѣе она равнялась еще хорошо охраняемой крѣпости.

Осенью 1900 г. царь переселился въ Ливадію, чтобы провести тамъ зиму, но вскорѣ оттуда начали распространяться тревожные слухи о серьезномъ заболѣваніи царя. Туда съѣхались члены императорской фамиліи. Такъ какъ газетамъ было строго запрещено писать о болѣзни царя, то слухи, которыхъ все же нельзя было задержать, приняли самые разнообразные виды. Въ одно время въ Петербургѣ даже думали, что царь уже умеръ и его смерть скрываютъ для избѣжанія смутъ. Въ заграничную печать проникли различныя свѣдѣнія и чтобы успокоить взволнованное общественное мнѣніе, пришлось и въ Россіи признать болѣзнь царя и выпускомъ бюллетеней успокоить возбужденные умы и положить предѣлъ различнымъ фантастичнымъ слухамъ. Первый бюллетень сообщилъ, что царь захворалъ инфлюэнцой. Потомъ сообщали, что болѣзнь царя приняла тифозный характеръ; наконецъ придворные врачи констатировали брюшной тифъ, который протекалъ, по словамъ бюллетеней, вполнѣ удовлетворительно.

Но общественное мнѣніе, по обыкновенію, не довѣряло оффиціальнымъ сообщеніямъ; оно не повѣрило ни

инфлюэнцѣ съ тифознымъ характеромъ, ни брюшному тифу, удовлетворительно протекающему. Трудно было предположить, что бы въ Ливадіи, въ самыхъ идеальныхъ гигіеническихъ условіяхъ, царь могъ заболѣть инфекціонной болѣзнью. Мнительный Александръ III., который на каждомъ шагу чуялъ опасности, велѣлъ поставить стражу даже у тѣхъ источниковъ въ Яйлѣ, изъ которыхъ проводилась вода къ царскому дворцу. Цѣлый штабъ врачей и полиціи заботились о соблюденіи всѣхъ гигіеническихъ требованій въ дворцѣ и его окрестностяхъ. Такимъ образомъ осталось неразрѣшимой загадкой, какимъ образомъ царь могъ схватить заразительную болѣзнь. Сомнѣнія увеличивало еще то обстоятельство, что въ Ливадіи этой болѣзнью не заболѣлъ никто, кромѣ царя. Въ такія эпидеміи не вѣрятъ въ Россіи.

На самомъ дѣлѣ общественное мнѣніе на этотъ разъ не ошибалось. Уже при первыхъ изслѣдованіяхъ больного царя врачи констатировали отравленіе. Царю дали ядъ въ ѣдѣ, или въ питьѣ и силы его начали быстро падать. Однако искусству врачей удалось сохранить жизнь монарха.

Однако осталось совершенно невыясненнымъ, кто совершилъ это покушеніе, и какимъ образомъ оно было осуществлено. Самое тщательное слѣдствіе по этому дѣлу не дало никакихъ результатовъ.

На царя это подѣйствовало самымъ угнетающимъ образомъ. Дворцовая охрана была увеличена и строгость при дворѣ доведена опять до такихъ максимальныхъ предѣловъ, которые господствовали при Александрѣ III. Повсюду заведенъ надзоръ, повсюду устроена стража. Когда выздаравливающій царь, сидя въ саду, призвалъ къ себѣ одного садовника и послѣдній приближался къ монарху, изъ сосѣдняго куста раздался выстрѣлъ и садовникъ съ

пронзенной грудью упалъ замертво на землю. Со всѣхъ сторонъ сбѣжалась охрана и тогда выяснилось происшедшее недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что стражникамъ приказано убивать всякаго незнакомаго, который приближается къ царю.

Царь вернулся въ Петербургъ еще болѣе удрученнымъ, чѣмъ уѣхалъ. Онъ въ страхѣ отдѣлилъ себя непроницаемой стѣной солдатъ, полицейскихъ и сыщиковъ отъ внѣшняго міра. Въ началѣ своего царствованія онъ ходилъ безъ стражи даже по улицамъ Петербурга, теперь онъ началъ вести жизнь плѣнника, по примѣру своего отца.

Реакціонной группѣ придворныхъ интригановъ и на этотъ разъ не удалось устранить Николая съ престола и учредить регентство. Бываютъ моменты, когда царь самъ не прочь оставить престолъ, такъ какъ царствованіе доставляетъ ему исключительно страданія и безпокойство и не можетъ дать ему того удовлетворенія, какое испытываютъ отъ власти сильныя натуры. На тронѣ его удерживала только надежда, что царица наконецъ одаритъ его сыномъ-престолонаслѣдникомъ. Но когда вмѣсто престолонаслѣдника одна за другой появлялись принцессы, то царя охватывало отчаяніе.

Отсутствіе сыновей причиняло царю и царицѣ много горя. Въ особенности царица много страдала отъ различныхъ уколовъ со стороны вдовствующей императрицы, около которой группируется безсовѣстная клика интригановъ. Одно время поговаривали даже, что эта клика, съ Побѣдоносцевымъ во главѣ, хотѣла заставить царя развестись съ Александрой Ѳедоровной. Хотя разводъ по русскому церковному праву почти невозможенъ, но для царя вѣдь все возможно. Неизвѣстно, насколько

эти слухи были основаны, только царь все еще не терялъ надежды на сына. Русскіе бюрократы и консерваторы только того и требуютъ отъ своего монарха, чтобы онъ ихъ осчастливилъ престолонаслѣдникомъ и ему навѣрно было досадно, что онъ даже этого скромнаго требованія не могъ исполнить.

Между тѣмъ рожденіе престолонаслѣдника ожидалось въ придворныхъ сферахъ со жгучимъ нетерпѣніемъ, каждый разъ, когда императрица должна была разрѣшиться отъ бремени. Два раза надежды не оправдались. Когда императрица въ третій разъ забеременѣла, ожиданія и надежды возобновились еще сильнѣе, чѣмъ раньше. Но однажды императица, выходя изъ столовой въ концертную залу, поскользнулась, упала и разрѣшилась выкидышемъ.

Оказалось, что на этотъ разъ Александра Ѳедоровна была беременна мальчикомъ и только несчастный случай лишилъ царя престолонаслѣдника. Это обстоятельство сильно подѣйствовало на царя. Съ этого времени онъ сталъ угрюмымъ и меланхоличнымъ и совершенно отдался спиритизму и мистицизму.

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ императрица снова находилась въ интересномъ положеніи, Николай не могъ остаться спокойнымъ отъ нетерпѣнія и захотѣлъ помочь природѣ.

Выписали изъ Вѣны профессора Шенка, который рекламировалъ свой методъ воздѣйствія на полъ развивающагося плода и тотъ старательно примѣнялъ свое искусство къ императрицѣ. Николай вложилъ судьбы государства въ руки ученаго. Но, какъ извѣстно, всѣ усилія профессора остались безплодными и Александра Ѳедоровна родила опять дочь.

Наконецъ императрица забеременѣла снова. Суевѣрный царь и его окружающіе начали прибѣгать къ различнымъ шарлатанскимъ средствамъ, чтобы пособить горю. Говорили о какомъ то шарлатанѣ, который въ Ливадіи предлагалъ царю самое „вѣрное средство“ для того, чтобы осчастливить Россію престолонаслѣдникомъ. Старался въ этомъ отношеніи и спиритистъ Филиппъ; наконецъ обратились и къ пресловутому Іоанну Кронштадтскому, престижъ котораго сильно упалъ при смерти Александра III. Когда наука оказалась безсильной возстановить здоровье Александра III., пригласили въ Ливадію Іоанна Кронштадскаго, о чудесахъ котораго говорила вся Россія. Этотъ quasi-святой молился надъ головой императора и продѣлалъ всѣ фокусы ортодоксальной кабалистики, но все оказалось напрасно, и даже святой водой нельзя было спасти жизнь монарха.

Это обстоятельство сильно повредило карьерѣ „святого“. Но со временемъ его неудачи забывались и наконецъ царь рѣшилъ обратиться къ нему за помощью, за чудомъ. Онъ разсуждалъ, какъ всѣ суевѣрные люди: если Іоаннъ не поможетъ, то и не повредитъ; зачѣмъ же не попробовать?

Когда всѣ земныя средства, какъ ученныя, такъ и святыя, не могли пособить горю, царь рѣшился обратиться къ неземнымъ святымъ и покровителямъ русскаго народа передъ Богомъ. Когда главные святые не помогали, онъ обратился къ второстепеннымъ. Въ пустынномъ мѣстѣ, въ Саровѣ, открыли мощи какого-то второстепеннаго святого, Серафима. На самомъ дѣлѣ тамъ мощей никакихъ и не было, а нашли просто человѣческія кости. Но бюрократы православія, т. е. Побѣдоносцевъ съ компаніей, считали необходимымъ для даннаго момента найти новаго

святого, для того чтобы отвлечь вниманіе народа отъ голода и внутреннихъ неурядицъ на вещи нематеріальныя и чтобы передъ народомъ пощеголять набожностью царя.

Для этого церковная бюрократія торжественно объявила найденныя кости мощами святого Серафима и устроила торжественное путешествіе царя въ Саровъ. Царская милость къ Святому Серафиму оказалась безграничной. Этотъ незначительный провинціальный чиновничекъ божеской бюрократіи былъ поставленъ рядомъ со старыми и почтенными святыми прежнихъ временъ, со Св. Георгіемъ и Св. Николаемъ. За это и Св. Серафимъ, имѣющій очевидно большое вліяніе въ небесныхъ сферахъ, выхлопоталъ у Бога престолонаслѣдника. Теперь передъ Николаемъ открывается новая перспектива — его власть наслѣдуетъ его собственный сынъ. —

Когда у Вандербильта родился ребенокъ, его положили въ колыбель изъ чистаго золота. Появляясь на свѣтъ, онъ сразу поглощалъ милліоны. А русскій цесаревичъ? Онъ уже получаетъ каждый день по 1000 руб. жалованья за то, что удостоилъ сей свѣтъ своимъ появленіемъ. Для него устроенъ особый дворъ со всѣми безчисленными чиновниками. Не хватаетъ только торжественныхъ пріемовъ и аудіэнцій. Онъ самъ не вѣдаетъ, что онъ состоитъ уже главнокомандующимъ всѣхъ казачьихъ войскъ и съ безпечностью, совершенно недостойной такого чина, оретъ на своихъ шелковыхъ перинахъ.

Красивая, здоровая крестьянка, настоящій идеалъ кормилицы, была запасена уже задолго до рожденія, чтобы кормить будущаго властелина надъ 150-милліоннымъ населеніемъ.

По личному желанію царя, престолонаслѣдника окрестили Алексѣемъ. Царь большой поклонникъ Алексѣя

Михайловича, второго царя изъ рода Романовыхъ. На дворцовыхъ маскерадахъ Николай II. любитъ одѣваться въ пестрый костюмъ этого царя и съ большой важностью шагаетъ въ этомъ маскарадномъ одѣяніи по громаднымъ заламъ Зимняго дворца, среди своихъ магнатовъ, скрывающихъ подъ масками не только свое тѣло, но и душу. Желая уподобить сына своего Алексѣю Михайловичу, царь далъ престолонаслѣднику его имя.

III. Путешествія царя.

Безпощадная борьба русскаго правительства противъ революціонеровъ, либераловъ и всѣхъ лучшихъ людей Россіи, угнетеніе рабочаго движенія и порабощеніе всего народа со стороны полиціи вызываютъ сильное негодованіе не только противъ всей устарѣлой правительственной системы, но и противъ отдѣльныхъ ея представителей.

Это негодованіе и накопившееся чувство обиды, ненависти и униженія не имѣетъ ни малѣйшей возможности проявляться легально. Поэтому естественно, что оно проявляется противозаконно. Бѣлый терроръ угнетателей вызываетъ красный терроръ угнетенныхъ — это непреклонный законъ исторіи, извѣстный уже древнимъ и среднимъ вѣкамъ и подтверждающійся теперь въ Россіи. Даже Финляндія, вѣками развивавшаяся въ законности, теперь, благодаря нестерпимому русскому режиму, повернула на путь террора. Шауманъ началъ новую эру, и если русскіе политики не одумаются, или обстоятельствами не будутъ принуждены одуматься, если они будутъ продолжать начатую политику руссификаціи, то нельзя предполагать, что у Шаумана не будетъ послѣдователей.

Русскіе революціонеры не мѣтятъ на жизнь теперь царствующаго императора, потому что считаютъ его только „столбомъ, на которомъ положена корона“.

Николай II. настолько несамостоятеленъ и слабъ, что служитъ только орудіемъ въ рукахъ всесильной бюрократіи. Поэтому и месть организованныхъ революціонеровъ направляется главнымъ образомъ противъ самыхъ ненавистныхъ представителей чиновничества, которые отличались какимъ-нибудь позорнымъ подвигомъ, какъ напримѣръ Сипягинъ, Плеве, Оболенскій. На нынѣшняго царя организованные революціонеры, то есть Боевая организація Соціалистовъ-революціонеровъ не дѣлала еще ни одного покушенія и по всей вѣроятности и въ будущемъ объ этомъ не будетъ думать. За то революціонные одиночки, или небольшія самостоятельныя группы ихъ дѣлали нѣсколько покушеній и на царя, или вѣрнѣе, дѣлали приготовленія для таковыхъ. Озлобленіе противъ правительства со стороны недовольныхъ элементовъ, да насильственная смерть Александра II. заставили бояться покушеній не только слабаго и мнительнаго Николая II., но и Александра III. При послѣднемъ были приняты всѣ мѣры осторожности, чтобы избѣжать опасности.

Онъ жилъ долгое время безвыѣздно въ своихъ дворцахъ въ Гатчинѣ и въ Царскомъ селѣ, окруженный цѣлыми отрядами солдатъ, онъ самъ даже назвалъ себя плѣнникомъ революціи. Умирая въ Ливадіи, онъ съ облегченіемъ вздохнулъ: „Наконецъ — покой, покой...“

Николай II. сначала былъ смѣлѣе. Онъ отважился даже ходить безъ охраны по улицамъ Петербурга и самъ ходилъ по магазинамъ. Но скоро и онъ началъ бояться покушеній и боязнь его, какъ кажется, съ каждымъ годомъ увеличивается. По крайней мѣрѣ для безопасности его принимаются такія чудовищныя и смѣшныя мѣры, къ какимъ не прибѣгалъ еще ни одинъ монархъ. Если царь собирается путешествовать, то это составляетъ важное

событіе для всего населенія, имѣющаго несчастіе жить вблизи пути слѣдованія его и придирки полиціи и администраціи становятся невыносимыми.

Уже за нѣсколько недѣль линія желѣзной дороги, по которой проѣдетъ царь, оцѣпляется войскомъ и охраняется день и ночь. Повсюду чистка, ремонты, надзоръ и ссыскъ. Когда царь на своемъ пути въ Саровскую пустынь долженъ былъ ѣхать по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, то на ней поднялась страшная суматоха. Эта дорога прославилась на всю Россію своими безпорядками: поѣзда ходили черепашьимъ шагомъ, сталкивались другъ съ другомъ, сходили съ рельсовъ, желѣзнодорожные мосты покосились, шпалы погнили, насыпи были размыты. Объ этомъ много говорили, писали, жаловались куда слѣдуетъ, но желѣзно-дорожное начальство давно привыкло относиться къ публикѣ какъ къ подчиненнымъ и безсловеснымъ скотамъ и ничего не предпринимало для улучшенія дороги. Такъ шли годы за годами до тѣхъ поръ, пока царю не понадобилось ѣхать къ несуществующимъ мощамъ Серафима. Тогда все всполошилось. Изъ „свободной наличности“ государственнаго казначейства достали 1,600,000 руб. и все приводилось въ исправность. А безъ поѣздки царя дорога эта гнила бы дальше по прежнему.

Съ одной станціи царю приходилось 70 верстъ проѣхать на лошадяхъ. По этому пути все измѣняли и прикрашивали, чтобы царь не видѣлъ того, что есть, чтобы онъ не замѣтилъ, что настоящая русская деревня похожа скорѣе на большую навозную кучу, чѣмъ на селеніе людей, что на поляхъ нѣтъ того обилія плодовъ и того благополучія, о которыхъ министры ему говорятъ въ своихъ краснорѣчивыхъ отчетахъ. Вдоль всей дороги насадили

березокъ, дороги выровняли и посыпали пескомъ, крестьянскимъ бабамъ приказали выполоть вдоль всего пути сорныя травы. Дома, мимо которыхъ проѣзжалъ царь, велѣли покрыть тесомъ и даже желѣзомъ, уѣзднымъ предводителямъ дворянства поручили набрать среди крестьянъ 20,000 человѣкъ-добровольцевъ, которые стояли шпалерами вдоль всего пути.

Нельзя ярче обрисовать тѣ смѣшно-чудовищныя мѣры, которыя принимаетъ полиція при путешествіяхъ царя, какъ это сдѣлано въ тайныхъ циркулярахъ, изданныхъ нижегородскимъ губернаторомъ Унтербергеромъ. Они останутся незабвенными документами исторіи для характеристики положенія царя въ своемъ государствѣ. Здѣсь мы приводимъ эти документы.

I.

Мѣры охраны, подлежащія принятію въ селеніяхъ по пути Высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно черезъ с. Глухово въ Г. Арзамасъ.

1. Всѣ строенія, жилыя и холодныя, находящіяся на самомъ пути, такъ равно и на разстояніи десяти саженей въ обѣ стороны отъ дороги, за двое сутокъ до проѣзда тщательно осматриваются комиссіей, состоящей изъ полицейскаго и жандармскаго (гдѣ таковые есть) офицера, мѣстнаго сельскаго старосты и при участіи двухъ понятыхъ. Предсѣдателемъ въ комиссіи является старшій въ чинѣ офицеръ. Тѣ строенія, въ которыхъ нѣтъ особой надобности для хозяевъ, опечатываются ею, чтобы убѣдиться въ цѣлости ихъ.

Примѣчаніе. Если впослѣдствіи хозяевамъ встрѣтилась бы особая надобность войти въ опечатанное строеніе,

то это можетъ быть сдѣлано въ присутствіи той же комиссіи и послѣ этого строеніе вновь опечатывается.

2. Въ упомянутыхъ выше строеніяхъ, послѣ осмотра, никто изъ постороннихъ лицъ, къ семьѣ хозяина не принадлежащихъ, оставаться не можетъ, впредь до того времени, пока охрана не будетъ снята.

3. За сутки до проѣзда, въ каждый домъ, находящійся по пути слѣдованія, помѣщаются два охранника, которые слѣдятъ, чтобы никто изъ постороннихъ въ домъ и во дворъ не входилъ.

4. За 4 часа до проѣзда помѣщаются съ задней стороны домовъ, лежащихъ по пути, охранники, стражники или воинскіе чины, по мѣрѣ надобности, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на дорогу, по которой имѣетъ быть проѣздъ, никто не выходилъ.

5. Всѣ выходящія на улицу окна или отверстія на чердакахъ заколачиваются.

6. Полиціей и сельскими властями устанавливается строгій надзоръ за всѣми живущими въ селеніяхъ и за тѣмъ, что вообще происходитъ въ селеніяхъ. За двое сутокъ до Высочайшаго проѣзда селеніе должно быть очищено отъ всѣхъ неизвѣстныхъ лицъ.

7. Съ ранняго утра дня Высочайшаго проѣзда въ попутныхъ селеніяхъ всѣ собаки должны быть на привязи и находящійся въ селеніи скотъ загнанъ.

Губернаторъ
Генералъ-Лейтенантъ Унтербергеръ.

II.

Приказъ жителямъ селеній по пути Высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь, Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Жители каждаго сѣленія, черезъ которое будетъ слѣдовать Высочайшій проѣздъ, собираются у своей околицы къ опредѣленному часу, который будетъ указанъ земскимъ начальникомъ, въ районъ котораго входитъ соотвѣтственное селеніе и группируются тамъ по обѣ стороны дороги.

2. Сельскій староста, сотскіе и десятскіе провѣряютъ, чтобы никто изъ постороннихъ, къ жителямъ селенія не принадлежащій, въ группѣ не былъ. Если же случайно кто-либо изъ постороннихъ тутъ явился и не будетъ времени его совсѣмъ удалить, то онъ становится за группу подъ надзоръ полиціи или благонадежныхъ лицъ.

3. Отъ линіи проѣзда группы стоятъ около 10 саженей.

4. Расходиться жители могутъ съ разрѣшенія старшаго полицейскаго офицера, когда послѣдній экипажъ скроется изъ вида.

5. При въѣздѣ въ селеніи разрѣшается жителямъ устраивать арки и украшать дома свои зеленью и флагами.

Нижній-Новгородъ, Іюля 3го дня 1903 г.

Губернаторъ

№ 3500. Генералъ-Лейтенантъ Унтербергеръ.

III.

Приказъ членамъ добровольной охраны по пути слѣдованія Высочайшихъ особъ изъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Члены добровольной охраны должны становиться на мѣста и въ часъ, указанный начальниками отрядовъ. Во время Высочайшаго проѣзда они сходить съ своихъ мѣстъ не должны, а послѣ проѣзда могутъ расходиться

по указанію начальниковъ отрядовъ и во всякомъ случаѣ не ранѣе, какъ послѣдній экипажъ скроется изъ вида.

2. При разстановкѣ на мѣстахъ всѣ котомки, какъ охранниковъ, такъ и тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, которые будутъ остановлены по пути и поставлены позади членовъ охраны, относятся на нѣсколько десятковъ саженей въ тылъ охраны, тамъ складываются, а разбираются лишь послѣ Высочайшаго проѣзда.

Въ рукахъ ни у охранниковъ, ни у постороннихъ лицъ не должно быть никакихъ предметовъ кромѣ шапокъ.

3. При Высочайшемъ проѣздѣ воспрещается становиться на колѣни съ цѣлью подачи какихъ бы то ни было бумагъ и прошеній. Если же кто-либо желаетъ подать Государю Императору прошеніе, то онъ такое долженъ передать начальнику отряда, которымъ оно будетъ передано по начальству и ни одно изъ поданныхъ въ такомъ порядкѣ прошеній не останется не доложеннымъ Государю.

4. Лица, которыя бросятся впередъ для подачи прошеній, или съ другими цѣлями, члены охраны должны задержать и передать въ распоряженіе полиціи.

5. Такъ какъ въ день Высочайшаго проѣзда, въ опредѣленный часъ по указанію начальника отряда, всякое движеніе по пути будетъ пріостановлено, то въ случаѣ появленія потомъ на немъ, а равно въ прилегающей къ нему мѣстности лицъ, не участвующихъ въ охранѣ, не принадлежащихъ къ составу полиціи или воинскихъ частей, или не имѣющихъ на это разрѣшенія губернатора, таковыя должны задерживаться и съ ними будетъ поступлено по указанію начальника отряда, до этого же ихъ слѣдуетъ держать подъ строгимъ надзоромъ за ближайшими группами охранниковъ.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться посторонняя публика, не позволять ей порвать цѣпь и становиться впереди за исключеніемъ тѣхъ лицъ, коимъ это будетъ начальникомъ отряда разрѣшено.

7. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ будетъ стоять посторонняя публика, сотники и десятники должны во время Высочайшаго проѣзда стоять такъ, чтобы видѣть проѣзжающіе экипажи, а равно постороннюю публику для наблюденія, не происходитъ ли тамъ чего-либо подозрительнаго.

8. При всякихъ недоразумѣніяхъ члены охраны должны руководствоваться указаніями начальниковъ отрядовъ.

Нижній-Новгородъ, Іюля 3го дня 1903 г.

Губернаторъ
Генералъ-Лейтенантъ Унтербергеръ.

Если царь останавливается въ какомъ нибудь городѣ или только проѣзжаетъ черезъ него, то помимо всѣхъ другихъ мѣропріятій арестовываются всѣ „неблагонамѣренные“, причемъ очень часто дѣло доходитъ до курьезовъ. Такъ въ Москвѣ, передъ пріѣздомъ царя, къ профессорамъ явились студенты съ просьбой проэкзаменовать ихъ не въ очередь, а сейчасъ же. „Да зачѣмъ Вамъ это?“

„А видите ли, господинъ профессоръ, насъ арестовали, но за неимѣніемъ мѣста въ тюрьмахъ, пока отпустили на честное слово: мы обязались придти и сѣсть, когда пріѣдетъ Государь.“

Но въ Россіи вообще каждый студентъ болѣе или менѣе неблагонадеженъ въ глазахъ полиціи. Поэтому передъ пріѣздомъ царя въ Москву обыкновенно призываютъ иногородныхъ студентовъ въ канцелярію и предлагаютъ имъ уѣхать въ отпускъ. — Такимъ образомъ

очищается атмосфера для пребыванія царя среди своихъ вѣрноподданныхъ.

Когда въ 1902 г. царь пріѣхалъ въ Курскъ, то обывателямъ было запрещено являться на ту улицу, по которой долженъ былъ слѣдовать царь. Для того чтобы получить это право, надо было выхлопотать у администраціи особый желтый билетъ. Дожила русская монархія до того, что только люди съ желтымъ билетомъ могутъ быть вблизи царя! Но этотъ приказъ былъ отмѣненъ: должно быть царю самому стало стыдно. Несмотря на бдительность полиціи, царь въ народѣ чувствуетъ себя, какъ на угольяхъ. Пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ слѣдующаго происшествія. Проѣздомъ изъ Петербурга въ Ливадію царь въ 1898 г. остановился на нѣсколько дней въ Севастополѣ и, посѣщая соборы и музеи, показывался народу. Городъ былъ насыщенъ полиціей и сыщиками. Даже для того, чтобы фотографировать шествіе царя, нужно было выхлопотать особое разрѣшеніе, которое давалось не всякому. Одинъ изъ благонамѣренныхъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона получилъ это разрѣшеніе и при выходѣ царя изъ собора щелкнулъ своимъ аппаратомъ. Щелканье аппарата дошло до уха царя и тотъ инстинктивно содрогнулся, обернулся въ сторону шума и поблѣднѣлъ. Потомъ, оправившись, царь съ сконфуженнымъ видомъ шелъ дальше. Офицера-фотографа сейчасъ-же схватили, а потомъ отпустили.

Какъ великъ долженъ быть страхъ, какъ мучительно душевное напряженіе, чтобы при малѣйшемъ шорохѣ и шумѣ бояться покушеній! А это не единственный случай. О такомъ страхѣ свидѣтельствуетъ все поведеніе монарха и тѣ юмористически-чудовищныя мѣры, которыя предпринимаются для его защиты.

Страхъ не покидаетъ возлюбленнаго монарха и тогда, когда онъ оставляетъ свою страну и путешествуетъ заграницей. Когда онъ впервые посѣщалъ Францію, онъ отважился въ шумномъ Парижѣ проѣхать черезъ густую толпу любопытнаго народа. Но это было только въ первый разъ. Послѣ этого, посѣщая европейскія страны, онъ осмѣливался проскакать только черезъ улицы провинціальныхъ городовъ, и то только окруженный войсками. Такой страхъ не мало поражалъ европейцевъ и служилъ неистощимымъ источникомъ для насмѣшекъ и шутокъ.

Интересную характеристику царскаго визита у Франца Іосифа даетъ Вѣнская газета „Zeit“, сопоставляя положеніе Эдуарда англійскаго, Вильгельма нѣмецкаго и нашего Николая.

„Царь былъ въ Вѣнѣ. Чтобы не пропустить историческаго момента, приходилось ожидать буквально съ часами въ рукахъ. Тамъ, гдѣ Вѣна называется уже „Gross-Wien“, поспѣшно и робко вышелъ изъ своего тщательно замаскированнаго салонъ-вагона самодержецъ всея Россіи и посреди многихъ тысячъ солдатъ и жандармовъ, разставленныхъ почти у стѣнъ уличныхъ зданій, отправился въ Шенбрунъ, гдѣ былъ поданъ завтракъ. А потомъ опять между саблями, ружьями и штыками къ другому вокзалу и дальше на охоту въ Мюрцштегъ, гдѣ съ дрожью въ сердцѣ жандармы и агенты тайной полиціи ожидали прибытія одного изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ властелиновъ міра сего, жизнь котораго такъ трудно и тяжело охранять.

„Назадъ тому немного недѣль прибылъ въ Вѣну другой могущественный государь — полная противоположность тому, который сейчасъ проѣхалъ мимо насъ: король англійскій Эдуардъ VII. Народъ толпами валилъ

къ вокзалу, чтобы повидать интереснаго гостя. Посреди тѣсной толпы привѣтливо кланяющихся людей, которыхъ не оттѣсняли къ стѣнѣ шпалеры войскъ, король поѣхалъ по улицамъ нашего города во дворецъ. Свободно и безбоязненно двигался онъ повсюду, позволивъ себѣ даже для своего удовольствія внѣпрограммную прогулку въ жокей-клубъ, точно онъ былъ совершенно обыкновеннымъ смертнымъ.

„Потомъ прибылъ императоръ Вильгельмъ. Вѣна и его сердечно привѣтствовала. Онъ также ѣхалъ въ открытой коляскѣ по всему городу, и солдаты, окаймлявшіе путь, стояли тутъ не для охраны, а скорѣе для украшенія, для праздничнаго удовольствія любящаго военное дѣло императора. Онъ сидѣлъ въ театрѣ, въ воскресенье отправился на литургію въ свою церковь... И этотъ государь также чувствовалъ себя въ Вѣнѣ спокойно.

„Три пріема, которые мы нынѣ наблюдали въ такіе короткіе промежутки времени, суть символы, политическіе символы, признаки, характерные для политическаго положенія тѣхъ странъ, къ которымъ принадлежали высокіе гости. Каждый изъ нихъ получилъ такой пріемъ, какой заслуживаетъ его политическая система. Верховный глава англійскаго государства прибылъ изъ свободнѣйшей страны Европы, изъ міровой державы, въ которой народъ самъ правитъ собой и въ королѣ видитъ не болѣе и не менѣе, какъ позолоченную верхушку своего горделиваго государственнаго строенія. Англичанинъ свободенъ и не боится своего государя и государь его свободенъ и не боится своего народа. Потому король Эдуардъ не чувствовалъ страха и передъ вѣнскимъ населеніемъ.

„Императоръ Вильгельмъ, любящій подчеркивать, что онъ божьей милостью король Пруссіи, чувствующій себя

своимъ собственнымъ канцлеромъ... требуетъ уже другой обстановки. Онъ имѣетъ враговъ и не боится ихъ. Онъ желаетъ показывать мощь и хочетъ видѣть ее вокругъ себя. Онъ идетъ въ толпу, но онъ хочетъ, чтобы ей было ясно, кто идетъ... Не охраняемъ, а привѣтствуемъ онъ желаетъ быть солдатами.

„Точно не совершеннолѣтнимъ, далеко не созрѣвшимъ еще для самоопредѣленія народомъ, управляетъ царь своими русскими. Валы и рвы окружаютъ царское величіе, а жестокая полиція на пушечный выстрѣлъ очищаетъ окрестность отъ каждаго подданнаго. Интеллигенція страны считается злѣйшимъ врагомъ царской власти. Конь и всадникъ считаются единственными опорами крутой высоты, на которой стоитъ этотъ государь, вдали отъ своего народа. Ни дома, ни въ гостяхъ не чувствуетъ онъ себя въ безопасности, если тысячи не защищаютъ его отъ милліоновъ, защитникомъ и опорой которыхъ избрала его судьба. Всякій и каждый въ его обширномъ государствѣ дрожитъ передъ его неограниченной властью; онъ же и дома, и на чужбинѣ блѣднѣетъ при одномъ видѣ свободныхъ людей. Лишь посреди лакеевъ и солдатъ, слѣпо слѣдующихъ командѣ, онъ полагаетъ свою жизнь въ безопасности.

„Три пріема — три системы. Каждый государь пользуется той свободой и живетъ той жизнью, которую онъ представляетъ своему народу.“ —

Между тѣмъ какъ правительственныя сферы европейскихъ странъ дѣлали все, чтобы показать свое благоволеніе къ царю, радикальная и соціалистическая часть населенія воспользовалась случаемъ, чтобы выразить свое отвращеніе къ царствующему въ Россіи произволу и угнетенію. Въ Вѣнѣ царь былъ встрѣченъ толпой ледяной

холодностью. Въ тотъ же день устроилось большое собраніе, въ которомъ участвовало болѣе $2^1/_2$ тысячъ людей. Послѣ горячихъ рѣчей, клеймившихъ царскую политику, собраніе единогласно вынесла слѣдующую резолюцію:

„Мы исполнимъ долгъ нашей совѣсти, если скажемъ: Организованные рабочіе Вѣны выражаютъ царю Николаю свое сильнѣйшее негодованіе. Нашимъ братьямъ въ Россіи, прежде всего тѣмъ, которые изнываютъ въ тюрьмахъ или въ Сибири, мы выражаемъ наши симпатіи и увѣряемъ ихъ, что мы солидарны съ ними въ сознаніи, что тиранія будетъ сломлена въ Россіи“ ...

Когда узнали, что царь собирается пріѣхать въ Италію, италійскіе соціалисты начали оживленную агитацію противъ царя. Во время засѣданія итальянской палаты, соціалистическій депутатъ Моргари сдѣлалъ запросъ правительству относительно пріѣзда царя. Получивъ утвердительный отвѣтъ отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, Моргари заявилъ: „Передайте въ Петербургъ, что если царь рѣшится пріѣхать въ Италію, мы его освищемъ.“

Пароль былъ брошенъ, соціалисты взялись за работу. Римскій соціалистическій союзъ, на долю котораго выпала главная работа по устройству подобающей встрѣчи царя, выработалъ слѣдующую программу „торжествъ“.

1) Въ день пріѣзда царя въ Италію всѣ рабочіе и крестьяне воздерживаются отъ труда, вступая такимъ образомъ во всеобщую стачку.

2) Въ опредѣленный часъ народъ долженъ собраться на площади для подачи коллективнаго протеста.

3) По всей линіи слѣдованія царя народъ призывается къ свисту.

Издавались листки и брошюры во всѣхъ мѣстахъ по предполагаемому пути царя. Съорганизовались комитеты

для приведенія въ исполненіе задуманнаго освистанія. Римскій союзъ предлагалъ свистки въ большомъ количествѣ за незначительную цѣну.

Вслѣдствіе этого царь отказался отъ поѣздки въ Италію. Это первый случай въ исторіи, когда монархъ отказывается отъ посѣщенія сосѣдней страны, благодаря протесту народа. Это конечно было очень непріятно королевскому двору въ Римѣ и еще болѣе въ Петербургѣ. Но настоящій русскій народъ будетъ благодаренъ свободолюбивому народу Италіи за то, что тотъ далъ царю и воплощенной въ немъ системѣ рѣзкій, хотя и не весьма вѣжливый урокъ.

IV. Совѣтники царя.

К. П. Побѣдоносцевъ не даромъ называется бѣдоносцемъ для народа и злымъ духомъ Россіи. Какъ человѣкъ съ крупнымъ умомъ и непреклонной волей, онъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на Александра III. и на Николая II. Побѣдоносцевъ по своимъ убѣжденіямъ крайній и одностороннній монархистъ и ретроградъ. Чѣмъ одностороннѣе онъ придерживается старыхъ формъ, чѣмъ меньше компромисовъ онъ согласенъ дѣлать духу времени, тѣмъ послѣдовательнѣе и цѣльнѣе его программа. Пусть погибнетъ вся Россія — самодержавіе и православіе должны торжествовать. Этотъ принципъ проводится имъ съ непреклонной послѣдовательностью во всѣхъ вопросахъ. Своей послѣдовательностью Побѣдоносцевъ подкупалъ недалекіе умы русскихъ самодержцевъ. Этимъ и объясняется то довѣріе, которымъ онъ пользуется у русскихъ императоровъ. Александра III. онъ отговорилъ отъ реформъ, которыя тотъ въ началѣ царствованія хотѣлъ дать изъ боязни передъ революціей, Николая II. онъ заставилъ произнести тронную рѣчь, въ которой самыя скромныя надежды земцевъ называются „безсмысленными мечтаніями.“ Самые ретроградные законы и мѣропріятія находятъ въ Побѣдоносцевѣ яраго, убѣжденнаго защитника. Учрежденіе пресловутой и, какъ

говоритъ Толстой, безнравственной должности земскихъ начальниковъ послѣдовало по его единоличному настоянію, хотя всѣ остальные члены государственнаго совѣта были противъ этого. Большая доля отвѣтственности за все то зло, которое теперь гнететъ Россію, падаетъ на него. Самодержавіе имѣетъ въ немъ сильную опору, русскій народъ — упорнаго врага.

Даже впавшій въ мистицизмъ В. Соловьевъ оцѣнилъ по достоинству Побѣдоносцева, посвящая ему слѣдующую эпиграмму:

„На разныхъ поприщахъ прославился ты много,
Какъ евнухъ ты невинностью сіялъ,
Какъ піэтистъ позорилъ имя Бога
И какъ юристъ старушку обобралъ."

Если Побѣдоносцевъ за послѣдніе годы все меньше вмѣшивается въ государственныя дѣла, очевидно изъ боязни передъ покушеніями, то все большую роль начинаетъ играть другой вдохновитель и подстрекатель всѣхъ темныхъ силъ Россіи — князь Мещерскій.

Въ своемъ „Гражданинѣ" онъ ведетъ отчаянную борьбу противъ всего лучшаго, передового въ Россіи и ратуетъ за самыя отжившія формы и учрежденія. Но у него нѣтъ той выдержанности и послѣдовательности, какъ у Побѣдоносцева, такъ какъ убѣжденія его продажны. Онъ ретроградъ не столько по убѣжденію, сколько по ремеслу. Онъ велъ нескончаемую борьбу противъ земскихъ учрежденій; но почуявъ, что правительство принуждено дѣлать земствамъ нѣкоторыя уступки, онъ мѣняетъ курсъ и начинаетъ воспѣвать земство. Даже вертлявое „Новое Время" упрекаетъ его въ непослѣдовательности.

Въ остальномъ философія князя Мещерскаго очень проста: мужика надо сѣчь и держать въ ежевыхъ рукавицахъ, благородное дворянство надо поощрять, выдавая ему столько денегъ, сколько потребуется для удовлетворенія его благородныхъ потребностей, земство, новые суды и печать — уничтожить вовсе.

Такая программа очень нравилась недалекому Александру III., который читалъ „Гражданина“ и былъ въ дружбѣ съ княземъ. Въ это время къ „Гражданину“ тянулись всѣ, кто жаждалъ вліянія, или хорошо оплачиваемаго мѣста. Черезъ его пріемную иногда проходили министры. Такимъ путемъ попалъ въ министры путей сообщенія и Кривошеинъ, другъ Мещерскаго и беззастѣнчивый казнокрадъ. По своей хищнической непосредственности онъ напомнилъ того цыгана, который на вопросъ, что онъ дѣлалъ бы, если бы былъ царемъ, отвѣтилъ: укралъ бы пятьдесятъ рублей и убѣжалъ бы. Кривошеинъ, попавъ нежданно въ министры, рѣшилъ поскорѣе стащить, что можно. Онъ тотчасъ же провелъ мимо своего имѣнія ни къ чему не нужную желѣзно-дорожную вѣтку и сталъ брать черезъ подставныхъ лицъ подряды на желѣзныя дороги, принуждая казенныхъ инженеровъ принимать никуда негодные матеріалы. И князь Мещерскій слопалъ черезъ него кусокъ казеннаго пирога: Кривошеинъ сдалъ ему на 7 лѣтъ всѣ типографскія работы для нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, притомъ по цѣнамъ вдвое высшимъ, чѣмъ работаютъ другія типографіи. Такимъ образомъ князь Мещерскій похитилъ черезъ своего ставленника по крайней мѣрѣ лишнихъ 150,000 руб. изъ государственной казны.

Беззастѣнчивое хозяйничанье Кривошеина привело къ скандалу, въ которомъ объявилось воровство и

пособничество кн. Мещерскаго и дружба его съ царемъ потерпѣла уронъ.

Въ началѣ царствованія Николая II., Мещерскій сдѣлалъ было попытку завязать сношенія съ новымъ императоромъ. Онъ собралъ имѣвшіяся у него письма Александра III., заказалъ роскошную папку и просилъ разрѣшенія вручить манускрипты царю, такъ какъ себя онъ будто не считаетъ достойнымъ обладать ими. Николай не могъ еще простить ханжѣ его казнокрадство и кн. Мещерскій получилъ по инстанціямъ холодный отвѣтъ, что царь не желаетъ лишать его драгоцѣнныхъ писемъ.

Но прошло время, царь все болѣе укрѣпился въ ретроградныхъ идеяхъ русскихъ обскурантовъ и послѣ смерти Сипягина Мещерскій сообщалъ въ своемъ „Гражданинѣ“ довольно неожиданно, что онъ былъ принятъ царемъ и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Теперь Мещерскій опять вліятельная личность и сочиняетъ даже царскіе манифесты. Среды князя Мещерскаго пріобрѣтаютъ политическое значеніе, опять на нихъ танется все, лишенное достоинства и чести, но вспоминающее волшебную карьеру Кривошеина и имя царя связывается съ именемъ стараго развратника, уличеннаго пособника и сообщника уличенныхъ воровъ.

Говоря о совѣтникахъ царя, нельзя пройти молчаніемъ одну оригинальную фигуру, имѣвшую въ теченіи года на царя сильное вліяніе, настолько сильное, что даже министры не чувствовали себя спокойными на своихъ тронахъ, если не были въ ладахъ съ этой особой. Это такъ называемый père Philippe, парикмахеръ изъ Марселя, спиритъ и шарлатанъ. Великій князь Николай Николаевичъ познакомился съ этимъ шарлатаномъ на какомъ-то спиритическомъ сеансѣ и привелъ его весною 1902 г. къ государю. Недалекаго

и суевѣрнаго царя онъ совершенно запуталъ своей черной магіей и подчинилъ своему вліянію. Безъ вѣдома Филиппа царь не принималъ никакого важнаго рѣшенія. Царь велѣлъ спириту вызывать духи различныхъ покойниковъ и спрашивалъ у нихъ совѣта, какъ по семейнымъ, такъ и по государственнымъ дѣламъ. Больше всего досталось духу Александра III., котораго вызывали почти ежедневно и осыпали самыми различными вопросами. Всѣ близкіе двору люди пришли въ смущеніе, такъ какъ Филиппъ при помощи своихъ духовъ сталъ всемогущимъ и могъ перевернуть все вверхъ дномъ. Изъ за него министръ юстиціи Муравьевъ чуть не поплатился своимъ постомъ.

Министръ хотѣлъ отдать Ѳ. Качуру, стрѣлявшаго въ Харьковскаго губернатора Оболенскаго, гражданскому суду, чтобы засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ намѣреніе правительства душить своихъ враговъ на законномъ основаніи. Но царь велѣлъ Филиппу вызвать духъ незабвеннаго родителя и освѣдомиться у того, что слѣдуетъ дѣлать. Духъ же повѣдалъ устами Филиппа, что съ Качуромъ надо раздѣлаться упрощеннымъ и вѣрнѣйшимъ способомъ — посредствомъ военнаго суда. Такъ и было сдѣлано и благодаря этому положеніе Муравьева стало очень шаткимъ.

Труднѣе пришлось Рачковскому, главному агенту русской полиціи въ Парижѣ, очень высокому чину при теперешнихъ русскихъ условіяхъ, который дѣйствительно изъ-за Филиппа получилъ отставку. По желанію вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны генералъ адъютантъ Гессе поручилъ Рачковскому собрать во Франціи свѣдѣнія о Филиппѣ. Вѣрный рабъ въ точности исполнилъ данное ему порученіе. При этомъ личность и прошлое Филиппа выяснились съ самой неблагопріятной стороны.

Гессе передалъ донесеніе Рачковскаго собственноручно царю. Но этотъ такъ разсердился за неблагопріятный отзывъ о своемъ любимцѣ, что велѣлъ немедленно удалить Рачковскаго съ мѣста.

Властвуя надъ государемъ, Филиппъ хотѣлъ упрочить свое положеніе пріобрѣтеніемъ какого-нибудь титула. Въ Военно-Медицинскую академію было подано ходатайство о признаніи его докторомъ honoris causa. Говорятъ, что академія согласилась удовлетворить это требованіе, которое осуществилось бы, если бы Филиппъ продолжалъ свое дѣло умнѣе и не сталъ бы черезчуръ нахальнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ недурно устроилъ свои личныя дѣла; но онъ захотѣлъ духомъ „родителя“ и другимъ помочь, конечно за соотвѣтственное вознагражденіе. Когда обсуждалось дѣло о метрополитенѣ Петербурга, инженеръ Балинскій вошелъ въ стачку съ Филиппомъ и духъ незабвеннаго родителя сталъ давать черезчуръ странные совѣты. Онъ убѣждалъ отдавать устройство метрополитена Балинскому на такихъ условіяхъ, которыя причинялибы городу громадныя убытки, но за то обогатили бы Балинскаго. Это даже Николаю II. показалось страннымъ и онъ рѣшилъ удалить спирита. Но съ духами онъ не могъ разстаться и продолжалъ заниматься спиритизмомъ. Потомъ дурачила царя какая-то дѣвица, по имени Галацкая, которая путемъ черной магіи пророчила царю исходъ теперешней войны. По ея толкованіямъ выходило, что русскіе будутъ терпѣть неудачи до тѣхъ поръ, пока самъ царь не появится на театръ военныхъ дѣйствій. Это обезпечитъ будто Россіи блестящую побѣду. Побужденный этимъ, царь дѣйствительно хотѣлъ отправиться на дальній востокъ. Но Куропаткинъ, Витте и Побѣдоносцевъ рѣшительно возстали противъ этого и велѣли ему спокойно остаться дома.

За Филиппомъ слѣдуетъ другая не менѣе интересная фигура царскаго совѣтника, Клопова. А. А. Клоповъ былъ скромный титулярный совѣтникъ, служившій въ одномъ изъ министерствъ. Ему однажды поручили изслѣдованіе мукомольнаго производства въ какомъ-то районѣ. Клоповъ настолько увлекся своимъ изслѣдованіемъ, что по окончаніи командировки сталъ продолжать его на свой страхъ. Денегъ у Клопова не было и ему приходилось обращаться за пособіемъ къ различнымъ министерствамъ и земствамъ. Такъ какъ изданныя работы Клопова спеціалистами цѣнились не высоко, то въ пособіяхъ ему повсюду отказали. Наконецъ Клопову пришла въ голову оригинальная мысль. Онъ вспомнилъ, что въ Россіи есть нѣкоторое, довольно даже значительное число великихъ князей, стоящихъ въ извѣстной близости къ престолу — значитъ могущественныхъ и вліятельныхъ. Ихъ то Клоповъ рѣшилъ привлечь къ своему изслѣдованію и написалъ одному изъ нихъ, Александру Михайловичу, страстное письмо о долгѣ передъ отечествомъ и важности изслѣдованія мукомольнаго дѣла. Оригинальность и искренность тона заинтересовала великаго князя, который далъ ему нѣкоторое пособленіе лично, а главное — далъ ему возможность обратиться за поддержкой на высочайшее имя.

Въ то время уже вполнѣ выяснилась полная безхарактерность Николая II. Всѣ привыкли уже къ тому, что онъ никогда не ставитъ своего мнѣнія противъ мнѣнія своихъ министровъ и правителемъ стала тѣсная олигархія, состоящая изъ толпы безличностей, подчинявшихся Побѣдоносцеву и Витте. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ министры стали игнорировать „самодержавную волю.“ Немудрено поэтому, что Клоповъ получилъ черезъ великаго князя царское обѣщаніе, которое, однако, стоило

очень не дорого, такъ какъ за нимъ не послѣдовало соотвѣтствующей ассигновки.

Витте въ то время былъ на высотѣ своего вліянія и могъ себѣ позволить нѣкоторое пренебреженіе даже къ волѣ государя. Клоповъ просилъ великаго князя, напомнить царю о пособіи; великій князь напомнилъ и получилъ новыя обѣщанія. Но Витте остался непоколебимъ.

Тогда Клоповъ предложилъ великому князю, выхлопотать ему личное свиданіе съ государемъ. Тотъ согласился и увлекающійся изслѣдованіемъ мукомольнаго дѣла титулярный совѣтникъ стоялъ передъ русскимъ самодержцемъ. Клоповъ отъ смущенія уронилъ свой портфель, такъ что всѣ его таблицы и картограммы мукомольнаго производства разлетѣлись по царскому кабинету. Но и царь былъ пораженъ, такъ какъ онъ, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни стоялъ лицомъ къ лицу съ такимъ страннымъ выходцемъ изъ другого невѣдомаго и таинственнаго міра, лежащаго за предѣлами дворцовыхъ карауловъ и правилъ дворцоваго этикета.

Клоповъ, какъ говорятъ, началъ убѣдить царя, что бюрократы его обманываютъ, что онъ не узнаетъ настоящей правды и что изслѣдованіе мукомольнаго дѣла есть насущнѣйшая задача теперешняго времени. И даже этотъ маніакъ, какъ его звали земцы, понравился царю, который далъ ему еще нѣсколько свиданій. Наконецъ Клоповъ получилъ подписанный комендантомъ дворца Гессе открытый листъ, въ которомъ ему поручилось по высочайшему велѣнію произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ. Кромѣ того Клоповъ получилъ даровые билеты I. класса для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. По странной логикѣ царской нерѣшительности, обладатель „открытаго листа“, Клоповъ

обязанъ былъ хранить все это въ тайнѣ и не показывать его „безъ крайней надобности“.

Царь, должно быть, боялся, огорчить или разсердить министровъ, безъ позволенія которыхъ онъ захотѣлъ узнать правду о своей странѣ. Страшное вольнодумство со стороны самодержца! —

Вскорѣ по Россіи разнесся слухъ о странной миссіи титулярнаго совѣтника, ищущаго для царя „всю правду“. Переполошилась администрація, переполошился и князь Мещерскій, напечатавшій въ своемъ „Гражданинѣ“ ядовитую статью про Клопова, а нѣкоторые исправники въ испугѣ телеграфировали губернаторамъ, что въ уѣздѣ появился господинъ, требующій именемъ государя настоящую правду.

Результаты изслѣдованія Клопова подтвердили только то, что и такъ было извѣстно всѣмъ, кромѣ царя, а именно, что въ Россіи дѣйствительно есть голодъ. Нѣкоторыя земства составили записки на эту тему для представленія государю. Потомъ къ Клопову потянулись разные бюрократы и проходимцы, ищущіе какой-либо возможности наживы. Серьезные люди понемногу стали удаляться, понявъ всю смѣшную сторону этого безплоднаго фарса. Русскій царь, въ распоряженіи котораго вся бюрократія Россіи и на первый призывъ котораго готова отвѣтить вся земская Русь, посылаетъ секретно никому неизвѣстнаго человѣка, который вынужденъ шушукаться по сторонамъ и тайно, какъ контрабанду, провозить во дворецъ то, что несмотря на гнетъ цензуры и администраціи, уже было открыто заявляемо въ печати...

Это доказывало лишній разъ безпомощность русскаго царя, но и только... Царю скоро надоѣла правда Клопова, и тотъ удалился.

Въ началѣ 1903 г. въ совѣтники царя попалъ новый шарлатанъ, Демчинскій. Съ неподражаемой безцеремонностью онъ опубликовалъ какой-то „самый вѣрный“ способъ предсказанія погоды. Поднялся шумъ на всю Россію. Но тутъ же оказалось, что соображенія Демчинскаго совершенно не научны и не выдерживаютъ даже самой поверхностной критики, что его способъ предсказанія погоды чистое шарлатанство. Потерпѣвъ крушеніе въ метеорологіи, Демчинскій устроился совѣтникомъ царя и истолкователемъ общественнаго мнѣнія. Онъ подалъ государю нѣсколько записокъ о современномъ положеніи страны, въ которыхъ онъ то развязнымъ, то льстиво-угодническимъ тономъ убѣждаетъ царя ввести въ Россіи реформы. Но совѣты и соображенія Демчинскаго въ политикѣ столько же смутны и туманны, какъ въ метеорологіи — это видно уже изъ того, что реакціонная политика Александра III. отожествляется имъ съ переобразованіями Александра II. Несмотря на такую путанницу взглядовъ, Демчинскій одно время тоже „понравился царю“. Но послѣ нѣсколькихъ аудіэнцій и Демчинскій сошелъ со сцены самодержавной комедіи.

Тверже чѣмъ Филиппъ и Клоповъ схватился за дирижерскую палочку русскаго самодержавія отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Безобразовъ, который неожиданно для всѣхъ былъ произведенъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества.

Когда-то Безобразовъ служилъ въ гвардіи, но уже давно вышелъ въ отставку. Въ самомъ началѣ царствованія Александра III. онъ выдвинулся тѣмъ, что былъ душою „Священной лиги“, образовавшейся въ то время для охраны личности царя. Члены этой лиги обязались добровольно слѣдить за всѣми своими знакомыми, и

доносить куда слѣдуетъ обо всемъ, что имъ показалось неблагонадежнымъ и опаснымъ для царскаго трона. Тогдашній директоръ департамента полиціи, Плеве потребовалъ уничтоженія „священной лиги“, вмѣшивающейся въ его дѣла и она была распущена.

Въ послѣднее время Безобразовъ часто подавалъ царю различныя записки. Сначала министры не смущались и игнорировали новаго фаворита или министра безъ портфеля, но со временемъ вліяніе его стало расти и его докладныя записки начали проявлять свое дѣйствіе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Безобразовъ вмѣстѣ съ Звягинцевымъ, Вонлярскимъ, служащими въ государственной канцеляріи и Матюнинымъ, консуломъ въ Кореѣ, при участіи великихъ князей образовали компанію на паяхъ и получили концессію у корейскаго правительства на эксплуатацію лѣсного и горнаго дѣла въ Кореѣ. Къ этому предпріятію былъ привлеченъ и государь и вдовствующая императрица, которые вложили въ него по нѣсколько милліоновъ рублей.

Безобразовъ спеціализировался по политикѣ дальняго востока. Онъ и доложилъ государю, что сибирская и манджурская желѣзныя дороги скверно построены. Когда Витте однажды докладывалъ государю объ удовлетворительномъ состояніи манджурской желѣзной дороги, тотъ будто замѣтилъ: „А вотъ Безобразовъ говоритъ, что дорога плохо построена“, на что Витте сказалъ: „Неужели Ваше Императорское Величество вѣрите больше частному человѣку, чѣмъ Вашему Статсъ-секретарю и министру?“ Послѣ этого состоялось назначеніе Безобразова Статсъ-секретаремъ.

По иниціативѣ и совѣту Безобразова на дальнемъ востокѣ было учреждено намѣстничество Алексѣева,

которое стоило Россіи страшно много денегъ и къ тому еще запутало въ злосчастную и кровопролитную войну съ Японіей.

Всѣ наиболѣе заинтересованные министры были противъ учрежденія намѣстничества, отдающаго въ руки одного человѣка иностранную и отчасти финансовую политику страны. Витте вышелъ въ отставку, Куропаткинъ и Ламздорфъ тоже подали въ отставку, но ихъ прошенія не были удовлетворены. Но Безобразовъ и другія высокопоставленныя особы, будучи матеріально заинтересованы въ завоевательной политикѣ Россіи на востокѣ, воспользовались своимъ вліяніемъ у государя и толкнули Россію на опасный, вредный и губительный для интересовъ страны путь. Самодержавіе дошло до того, что различные проходимцы бюрократіи могутъ распоряжаться судьбою страны и запутать 150 милліонный народъ въ несчастную войну исключительно для защиты своихъ акцій.

Такимъ образомъ Безобразовъ стоилъ Россіи очень дорого. Много поколѣній русскаго народа будутъ расплачиваться по его счетамъ. На содержаніе намѣстничества предполагалось ежегодно 125 милліоновъ рублей. А манджурская желѣзная дорога, устройство Портъ-Артура и Дальняго поглощало сотни милліоновъ рублей. Прибавьте къ этому стоимость войны и всѣ несчастія и убытки, которыя являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея и вы приблизительно узнаете, во что обошелся Россіи Безобразовъ, командующій Николаемъ II.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Безобразовская концессія въ Кореѣ играла выдающуюся роль въ возникновеніи русско-японской войны. Безобразовъ съ компаніей настаивали, что Россія должа присвоить себѣ Манджурію и Корею, разсчитывая на милліонные доходы отъ эксплуатаціи

лѣсныхъ и минеральныхъ богатствъ этого края. Они увѣряли царя, что маленькая Японія ни коимъ образомъ не рѣшится начать войну съ могущественной Россіей и что поэтому нѣтъ надобности ей ни въ чемъ уступить. Кромѣ того упомянутая концессія играла непосредственную роль въ переговорахъ между Россіей и Японіей. Русское правительство требовало, чтобы участки земли, находящіеся въ распоряженіи концессіи, были отнесены къ сферѣ русскихъ интересовъ. Здѣсь мы видимъ такое смѣшеніе личныхъ и государственныхъ интересовъ, какое немыслимо ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ. Только русскіе бюрократы еще могутъ воспользоваться государственной властью для устройства своихъ личныхъ дѣлъ и ввергнуть народъ въ неописуемое несчастіе, для того чтобы обезпечить себѣ нѣсколько милліоновъ дохода.

Какъ долго русскій народъ позволитъ такъ безсовѣстно продавать себя?

V. Царь и самодержавіе.

По словамъ одного талантливаго русскаго публициста, трудно себѣ представить человѣка, болѣе безпомощнаго въ отношеніи познанія всякаго рода вещей, происходящихъ на нашей родинѣ, чѣмъ русскій самодержецъ. Все приспособлено къ тому, чтобы ввести его въ заблужденіе, и нѣтъ ничего, что помогло бы ему узнать истину. Доклады министровъ застаютъ его совершенно безпомощнымъ. Они клонятся, конечно, къ прославленію ихъ собственной дѣятельности и составляются крайне тенденціозно. Вся Россія возмущалась, напримѣръ, поведеніемъ губернаторовъ во время холеры 1892 г., когда одинъ изъ нихъ предусмотрительно удалился въ горы Кавказа, откуда благоразумно руководилъ эпидеміей. Другой (кн. Мещерскій) скрылся въ началѣ безпорядковъ на параходѣ, и даже войска были вызваны какимъ-то мелкимъ полицейскимъ чиномъ. Всѣ ждали, поменьшей мѣрѣ, Высочайшаго выговора этимъ трусамъ, сначала своими безсмысленными распоряженіями возбудившимъ народъ, а затѣмъ допустившимъ сожженіе живьемъ медицинскаго персонала. Даже военносудная процедура установила позорное поведеніе кн. Мещерскаго, но — онъ получилъ награду! „Царь конечно не знаетъ“, говорили всѣ тогда, „да и откуда ему знать?“

Дѣйствительно, откуда? Газетныя вырѣзки дѣлаются для царя особыми чиновниками, знающими, конечно, кому слѣдуетъ угодить. Да если бы царь даже читалъ газеты, если бы онъ даже умѣлъ разбираться въ сложномъ текущемъ матеріалѣ, то что же сказала бы ему русская печать, задавленная цензурой и безчисленными циркулярами? Существуютъ еще такъ называемые всеподданнѣйшіе отчеты г. г. губернаторовъ — особая канцелярская литература, тщательно хранимая отъ гласности, дабы не давать вѣрноподданнымъ повода смѣяться надъ тѣмъ, какъ администрація морочитъ царей. Когда-нибудь, конечно, исторія разработаетъ этотъ матеріалъ съ улыбкой сожалѣнія надъ самодержцами, которыхъ можно было баюкать сказками, какъ малыхъ дѣтей.

Въ результатѣ до Высочайшаго слуха со всѣхъ концовъ Россіи несется лишь согласный хоръ общаго благополучія и процвѣтанія. Въ послѣднія десятилѣтія дирижировать этимъ хоромъ становится все труднѣе. Изъ года въ годъ повторяются голодовки, отощалыхъ людей валитъ холера, то тамъ, то сямъ происходятъ стихійныя вспышки раздраженнаго народа. Но до царя все это доходитъ уже въ смягченной перспективѣ, точно отголоски изъ какого-то другого, отвлеченнаго, нереальнаго міра, горе котораго не есть настоящее горе, а смерти — только цифра, ничего не говорящая ни царскому уму, ни царскому сердцу. До какой степени можетъ доходить эта наивная неспособность къ воспріятію самыхъ крупныхъ народныхъ бѣдствій, показываетъ примѣръ Александра III., который въ 1892 году въ Москвѣ началъ свое обращеніе къ московскому дворянству историческими словами: „слава Богу! десять лѣтъ прошли благополучно.“ Это благополучіе состояло въ томъ, что третья часть Россіи второй годъ была

охвачена жестокимъ голодомъ, а на Волгѣ еще не смолкли отголоски грандіознѣйшихъ холерныхъ бунтовъ!

Эти истинно чудовищныя по своей наивной жестокости слова, раздававшіяся надъ изнеможенною и проголодавшеюся страной, заставили даже нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ дворянъ въ раззолоченныхъ мундирахъ переглянуться съ выражніемъ недоумѣнія: о какомъ благополучіи идетъ рѣчь? Страна голодаетъ, государственное казначейство принуждено выдавать сотни милліоновъ, чтобы не допустить масовыхъ голодныхъ смертей, въ странѣ холера и бунты, — а царь называетъ это благополучіемъ! Бѣдный, слѣпой самодержецъ! Огромная, многомилліонная страна съ ея голодомъ и моромъ совсѣмъ и не входила въ его кругозоръ. Всемилостивѣйше объявляя въ сердцѣ Россіи о благополучіи, онъ хотѣлъ только сказать, что въ его мірѣ, т. е. собственно въ полицейской охранѣ дворца, все обстояло вполнѣ благополучно! Парады также проходили, какъ слѣдуетъ.

Трудно выразить ярче то отсутствіе живой органической связи между самодержавнымъ царемъ и страной, которое такъ характерно для современнаго самодержавія. И между тѣмъ никакой цензурѣ не пришло въ голову остановить чудовищное извѣстіе о царской рѣчи, и сотни тысячъ телеграммъ разнесли по всей Россіи этотъ похоронный звонъ надъ слѣпымъ и безпомощнымъ русскимъ самодержавіемъ, отдѣленнымъ глухой стѣной отъ страны съ ея интересами!

Эту темную стѣну славянофилы называли „средостѣніемъ“. Слово это вышло за предѣлы славянофильской терминологіи. Независимо отъ направленія, отъ общественнаго положенія и партіи — либералы, конституціоналисты, консерваторы, ретрограды, западники, націоналисты,

дворяне, разночинцы, чиновники, крестьяне, купцы — всѣ теперь знаютъ, если не это слово, то понятіе, всѣ чувствуютъ: „Царь ничего не знаетъ... отъ царя все скрыто“. И страна, хоть и медленно, но дѣлаетъ свои выводы. А царь съ легкимъ сердцемъ несетъ страшное бремя отвѣтственности за то, что не только идетъ безъ всякаго его воздѣйствія, но о чемъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. И этотъ призракъ власти воображаетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ „самодержавно“ правитъ великой страной своими „читалъ съ удовольствіемъ“, „совершенно согласенъ“!

Говорятъ, будто у турокъ есть какое-то глухое сознаніе, что когда-нибудь гуяры непременно прогонятъ ихъ въ Азію и потому правовѣрные предпочитаютъ, чтобы ихъ хоронили на мало-азіатскомъ берегу. Нѣтъ сомнѣнія, что такое же глухое сознаніе живетъ и въ самодержавіи. Еще сильное, еше не дрогнувшее въ лицѣ, напр. Александра I., оно уже готовилось къ ликвидаціи. Извѣстно, что этотъ государь предоставилъ Польшѣ и Финляндіи представительный образъ правленія въ намѣреніи распространить его на всю Россію. Тупой фрунтовикъ Николай I. шелъ слѣпо, безъ проблесковъ мысли, къ Севастопольскому погрому и крушенію. Александръ II. готовился подписать конституцію. Передъ Александромъ III. этотъ вопросъ всталъ уже въ началѣ царствованія, но это былъ человѣкъ, не созданный для рѣшенія великихъ вопросовъ исторіи. Говоря словами А. К. Толстого, —

... Отъ юныхъ лѣтъ напуганный крамолой,
Онъ подавилъ измученную землю ...

Правда, подавилъ не онъ: измученная земля, обезсилѣвшая отъ неудачныхъ попытокъ свергнуть оковы мертвящаго

порядка, сама затихла на время, тупо отдаваясь кошмарамъ продолжающагося недуга. Въ глубинахъ народной жизни шло разложеніе, но царя успѣли увѣрить, что неподвижность — единственное спасеніе и его лично, и самодержавія. Это — тоже смутное органическое предчувствіе: въ перспективѣ всякаго движенія — ограниченіе произвола и народная самодѣятельность . . . Тяжелая фигура Александра III. застыла на престолѣ среди мертваго благополучія дворцовой охраны: и благополучіе дрорцовой охраны стало для него единственнымъ критеріемъ.

Оно же стало послѣ него лозунгомъ ретроградной партіи. Александръ II. производилъ реформы и погибъ отъ бомбы; Александръ III. реформъ не производилъ и „благополучно“ умеръ отъ умеріи — этотъ наглядный афоризмъ сталъ основой политическаго завѣщанія отца сыну. При этомъ совершенно затушевывалось простое соображеніе о томъ, что Александръ II. погибъ не вслѣдствіе реформъ, а вслѣдствіе попытки остановить уже пришедшую въ движеніе страну. А благополучіе Александра III. истекало изъ разочарованія въ пріемахъ борьбы и изъ утомленія, вообще изъ реакціи въ общественномъ настроеніи, а не изъ правительственной реакціи. Уже въ концѣ унылаго царствованія этого чугуннаго царя назрѣло все то, съ чѣмъ теперь приходится считаться его злополучному наслѣднику: и голодовки, и болѣзни, и обнищаніе, и раздраженіе въ глубинѣ народнаго настроенія, и студенческія движенія, и первыя глухія вспышки движенія народнаго.

Николай II. вступилъ на престолъ молодымъ. Молодость вообще доброжелательна, а такъ какъ царь тоже человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо, то и юношѣ-царю не чужды были нѣкоторыя движенія молодого

великодушія. Они были только лишены содержанія. Онъ хотѣлъ сказать что-нибудь свое, благожелательное, пріятное, чтобы его полюбили, чтобы его благословляли. Извѣстно, что во время своего перваго въѣзда въ столицу царь привелъ въ ужасъ полицію, приказавъ снять всѣ охранительные посты и кардоны войскъ. Затѣмъ послѣдовали нѣкоторыя проявленія, символизировавшія что-то, похожее на національную терпимость... Правда, все это было сбивчиво, довольно мелко, неустойчиво и смутно, но все же въ этомъ сквозили хоть намеки на что-то свѣжее, чуждое какъ будто тупой и угрюмой реакціи „въ Бозѣ почившаго Родителя“. И въ русскомъ обществѣ, еще не вполнѣ разучившемся ждать чего-то отъ совершенно уже отжившаго самодержавія, стали опять возникать наивныя легенды о великихъ благахъ „съ высоты престола“. Говорили о томъ, что царь продолжаетъ ходить одинъ, пренебрегаетъ охраной, разсказывали будто онъ лично явился однажды въ университетъ, чтобы разспросить студентовъ объ ихъ нуждахъ и о причинахъ ихъ недовольства, ждали отставки Побѣдоносцева, назначали даже сроки... Толки эти ходили даже въ либеральныхъ кругахъ, особенно въ провинціи. Начало всякихъ перемѣнъ пріурочивали къ коронаціи, послѣ которой долженъ былъ закончиться періодъ Александра III. и начаться новая эра.

Всѣмъ этимъ цвѣткамъ наивнаго россійскаго довѣрія суждено было цвѣсти очень недолго. Передъ собравшимися со всѣхъ концовъ Россіи представителями русской земли, вмѣсто доброжелательнаго фантома какъ-будто начинавшаго выступать изъ мутныхъ тумановъ самодержавія на зарѣ новаго царствованія, появился робкій, заикающійся, краснѣющій молодой человѣкъ въ военномъ мундирѣ, ошеломившій всѣхъ присутствующихъ безтактной,

ненужной и явно заученной фразой о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“. Этотъ замѣчательный эпизодъ изъ исторіи самодержавія послѣднихъ временъ (и, вѣроятно, изъ исторіи послѣднихъ временъ самодержавія) описывался недостаточно подробно и въ нашей, и въ иностранной печати. Между тѣмъ онъ заслуживаетъ того, чтобы всѣ его подробности были возстановлены и напоминались, какъ можно чаще, для поясненія политическаго самосознанія русскаго общества въ его отношеніи къ самодержавію. Вотъ нѣкоторыя черты по разсказамъ очевидцевъ.

Передъ своею рѣчью царь выступилъ шага три впередъ и началъ говорить напряженно и ненатурально. Голосъ его, начавшись съ невѣрной ноты, подымался все выше и кончился крикомъ. Чувствовалась сразу фальшь и сознаніе фальши и ораторомъ, и аудиторіей. Это была рѣчь, лишенная не только величія, но хотя бы простого достоинства. Это были полуистерическія выкрикиванія застѣнчиваго человѣка, который, очертя голову, кидается напроломъ во исполненіе чужого и чуждаго ему предписанія... Это былъ манекенъ царя, автоматъ, загипнотизированный вліяніемъ высшей бюрократіи. Впечатлѣніе было болѣзненно и сильно именно жалкой истеричностью и автоматизмомъ. Въ серединѣ рѣчи послышался рѣзкій звукъ: одинъ изъ предводителей, стоявшихъ передъ царемъ съ хлѣбомъ-солью, повидимому человѣкъ нервный (единственный допущенный представитель тверскаго земства, Уткинъ), уронилъ съ подноса солянку. Воронцовъ-Дашковъ кинулся подымать ее. Разсказываютъ, что въ это время молодая царица, еще плохо понимавшая русскую рѣчь, наклонилась къ одной изъ великихъ княгинь и спросила по французски: „Qu'est ce qu'il leur explique?“ (Что онъ имъ объясняетъ?) — „Il leur explique“, отвѣчала

спрошенная, „qu'ils sont des imbéciles.“ (Онъ имъ объясняетъ, что они идіоты).

Если это вѣрно, то значитъ надо предположить настоящій министерскій заговоръ, при чемъ содержаніе внушенной царю рѣчи оставалось тайной даже въ высшихъ и ближайшихъ къ царю сферахъ. Трудно сказать, насколько такое предположеніе вѣроятно, но, съ другой стороны, трудно также представить себѣ, почему въ окружающей царя средѣ не нашлось никого, кто бы могъ указать ему на неумѣстность, прямо скандальность этого эпизода, если уже не по существу, то по моменту и по обстановкѣ. Что объ этомъ не подумали сами заговорщики-внушители — это понятно. Министерская олигархія пережила тягостный періодъ неувѣренности и колебанія и теперь спѣшила, овладѣвъ царемъ, сжечь за нимъ корабли и передъ лицомъ всей Россіи укрѣпить свой пошатнувшійся кредитъ. А что при этомъ на долю самодержца выпадала жалкая каррикатурная, прямо самоубійственная роль — объ этомъ, конечно, думать не приходилось.

И опять сотни тысячъ телеграммъ разносили по всей Россіи новую декларацію россійскаго самодержавія, декларацію, оставившую далеко позади наивное объявленіе „благополучія“ Александра III. Его наслѣдникъ прямо называлъ „безсмысленными“ всѣ ожиданія, наивно возлагавшіяся на него „вѣрноподданными“. Теперь по всей Россіи жадно искали и перечитывали „дерзкій адресъ тверичей“, подавшій поводъ къ царскому окрику, ожидая найти въ немъ, по меньшей мѣрѣ, просьбу о созывѣ учредительнаго собранія. И, къ удивленію, не находили ничего подобнаго. „Мы питаемъ надежду“ (писали тверичи — и это самое „страшное“ мѣсто адреса) „что̀ съ

высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной. Мы уповаемъ, что счастье наше будетъ расти и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона какъ со стороны народа, такъ и представителей власти, ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти... Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся (sic!), дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго... Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ начертаній Вашего Императорскаго Величества."

И на эти, болѣе чѣмъ скромныя пожеланія послѣдовалъ обиженный и оскорбительный окрикъ!... „Что-же собственно" — спрашивали теперь по всей Россіи — „его величество нашелъ здѣсь оскорбительнаго? Въ чемъ онъ усмотрѣлъ посягательство на умаленіе своей власти? Вѣдь, это все азбука самаго самодержавія, и никогда еще, кажется, ни одно даже деспотическое правительство на такія пожеланія не отвѣчало отрицательно, хотя бы изъ простого приличія."

Все это совершенно вѣрно. Дѣйствительно тверичи просто собрали воедино всѣ черты, искони приписывавшіяся самодержавію его искренними и неискренними апологетами. Это было не умаленіе, — это была идеализація самодержавія. Но, во 1-хъ самодержавіе чувствуетъ инстинктивно, что всякая попытка живой дѣятельности

поведетъ лишь къ скорѣйшему обнаруженію его внутренняго безсилія, а, во 2-хъ, если въ адресѣ тверичей не было еще прямого посягательства на прерогативы самодержавной власти, то было несомнѣнное посягательство на прерогативы высшей бюрократіи.

Тверичи выражали упованіе, что монаршая воля станетъ выше чиновничьяго произвола. И русскій монархъ получилъ приказъ унизить за одно и уповающую землю, и самодержавіе въ пользу чиновничьяго произвола. И русскій монархъ покорно исполнилъ приказъ. А пока молодой царь, сконфуженный, красный и не своимъ голосомъ выкрикивалъ чужія, продиктованныя ему фразы, — въ сторонѣ съ лисьимъ лицомъ стоялъ Несторъ русской бюрократіи, К. П. Побѣдоносцевъ, и слѣдилъ, правильно-ли самодержецъ отвѣчаетъ свой урокъ...

Онъ отвѣтилъ правильно. Передъ лицомъ всей Россіи, даже всего міра, онъ отрекся отъ всего, что, если не въ дѣйствительности, то въ идеѣ считалось лучшими атрибутами самодержавія. Онъ объявилъ все это „безсмысленными мечтаніями.“ Это, конечно, была правда: всѣ эти пожеланія осуществимы лишь при настоящемъ представительствѣ народа, какъ сознанномъ правѣ, а не какъ милости благодушнаго самодержца. Но, вѣдь, для того, чтобы прійти къ тому заключенію, нужно прежде признать, что современное самодержавіе уже не способно выполнить самыхъ скромныхъ ожиданій. И царь, подъ диктовкой министровъ, призналъ это всенародно. Одинъ за другимъ онъ безжалостно оборвалъ лепестки и безъ того начинавшаго увядать романтическаго цвѣтка вѣрноподданническихъ упованій... „Вы ждете“, говорилъ Николай II., „что отнынѣ голосъ нужды народной будетъ достигать до подножія престола? Это безсмысленное мечтаніе:

самодержавіе глухо къ народной нуждѣ. Вы уповаете, что отнынѣ установится общеніе между царемъ и народомъ? Это тоже безсмысленное мечтаніе: самодержавіе чуждо народу и его интересамъ. Вы надѣетесь, что выраженіе монаршей воли въ законѣ будетъ уважаемо вотъ этими господами въ мундирахъ? Это самое безсмысленное изъ всѣхъ мечтаній, потому что и я въ ихъ власти. Вы полагаете, что я буду прислушиваться къ голосу общественныхъ учрежденій, хотя-бы въ предѣлахъ вопросовъ, признанныхъ до нихъ относящимися? И это безсмысленное мечтаніе: я по прежнему буду „читать съ удовольствіемъ“ — лишь донесенія г. г. губернаторовъ и министровъ!“

VI. Царь и великіе князья.

„Императоръ Россійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный — повиноваться верховной его власти не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“. Такъ гласитъ первая статья перваго тома свода русскихъ законовъ. Какъ видно, размахъ законодателя очень большой — онъ говоритъ отъ имени самого Бога. При этомъ императоръ считается не только не отвѣтственнымъ и неприкосновеннымъ, но и священнымъ. Эти качества помазанника выражаются въ ст. 241 уложенія о наказаніяхъ, которая опредѣляетъ лишеніе всѣхъ правъ и смертную казнь за „всякое злоумышленіе и всякое преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія и чести Гос. Императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое-либо насиліе.“ Такое наказаніе полагается закономъ не только за обнаруженный умыселъ (ст. 242), но и за укрывательство и недоносительство (ст. 243). Какъ видно, царь, какъ источникъ всякаго законодательства, объявляетъ себя священнымъ, и отъ имени Бога приказываетъ повиноваться себѣ. При этомъ за посягательство на свою власть онъ опредѣляетъ гораздо большія наказанія, чѣмъ за посягательство на Бога.

Не только царь, но и вся свора великихъ князей занимаютъ по русскому закону привилегированное положеніе. Основные законы точно опредѣляютъ титулы, какіе полагаются различнымъ членамъ царской семьи, великимъ князьямъ и князьямъ и княжнямъ крови императорской, кого звать цесаревичемъ, кого высочествомъ и т. д. Потомъ въ длинномъ рядѣ статей перечисляются гербы и ордена, какіе кому полагаются. Великіе князья уже при крещеніи получаютъ ордена: Св. апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Бѣлаго орла, Св. Анны и Св. Станислава первой степени. Это полагается за подвиги, совершенные великими князьями отъ рожденія до крещенія. Великія княжны получаютъ при крещеніи только одинъ орденъ, именно Св. Екатерины. Князья съ титуломъ высочества получаютъ тѣ же ордена, но только при наступленіи совершеннолѣтія. Остальные князья императорской крови получаютъ ихъ на общемъ основаніи.

Сколько дикой глупости во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ. Дѣлаются блестящіе крестики и побрякушки, называются важными именами и навѣшиваются высокорожденнымъ дѣтямъ на шею. Если бы этимъ занимались только няни, играя съ дѣтворой, это было бы понятно и естественно. Но зачѣмъ же запрещать другимъ дѣтямъ дѣлать такія же побрякушки и называть ихъ какъ угодно?

Гораздо болѣе реальнаго смысла въ статьяхъ, опредѣляющихъ содержаніе царя и его фамиліи.

Въ неограниченныхъ монархіяхъ, какъ Россія, царь самъ опредѣляетъ свой цивильлистъ. Въ Россіи цивильлистъ существуетъ только съ конца XVIII. столѣтія, со временъ Павла I. До него русскіе государи не отдѣляли своихъ личныхъ имуществъ отъ государственныхъ, разсматривая всю Россію за свою личную собственность и

распоряжаясь ею такъ. Павелъ I. раздѣлилъ Россію на двѣ неравныя части; большую часть оставилъ, какъ государственную собственность, а меньшую взялъ себѣ, какъ свое личное добро. За царской фамиліей остались очень обширныя пространства земли и нѣсколько милліоновъ крестьянъ, которые получили названіе удѣльныхъ.

И теперь еще русскіе цари самые богатые люди на свѣтѣ; за удѣльнымъ вѣдомствомъ, т. е. въ собственности царской семьи, числится около одной сороковой части Россіи.

Но несмотря на это, царская семья беретъ еще изрядную сумму изъ государственнаго казначейства. По послѣднему бюджету на министерство императорскаго двора отпущено болѣе 16 милліоновъ рублей, причемъ сумма эта съ каждымъ годомъ увеличивается. Контроль надъ израсходованіемъ государственныхъ средствъ въ Россіи совершенно призрачный и подчиненъ тѣмъ лицамъ, которыя расходуютъ государственныя средства; но суммы, отпущенныя по министерству императорскаго двора, освобождены даже отъ этого контроля.

Изъ государственной казны получаютъ „жалованье“ императрица, наслѣдникъ престола и его супруга, дѣти императора, внуки и правнуки его. Праправнуки содержанія уже не получаютъ, но за то имъ даются заповѣдныя имѣнія, приносящія ежегодно не менѣе 100,000 руб. дохода и принадлежащія ихъ роду.

Императрица получаетъ изъ государственной казны 200,000 руб. въ годъ и кромѣ того содержаніе двора. Это „жалованье“ сохраняется и въ вдовствѣ, если императрица остается въ Россіи. Если же она переѣзжаетъ жить за границей, то она получаетъ только половину этого. Наслѣднику престола дается изъ государственной казны 100,000 руб. Его женѣ — 50,000 руб. въ годъ. Въ вдовствѣ

послѣдняя получаетъ, живя въ Россіи, 100,000 руб. и содержаніе двора, живя заграницей — половину того.

Кромѣ того изъ государственной казны берется приданное для великихъ княженъ и княженъ крови императорской.

И такъ обширная царская фамилія поглощаетъ въ Россіи неизчислимыя богатства. Одной прислуги въ различныхъ царскихъ и великокняжескихъ дворахъ насчитывается до 20,000 человѣкъ.

Что же получаетъ Россія за эти громадныя жертвы? Роль царя мы уже разсматривали и пришли только къ отрицательнымъ выводамъ. Но и великіе князья приносятъ Россіи несравненно больше вреда, чѣмъ пользы. Не получая достаточнаго образованія и не обладая особенными способностями, они получаютъ выдающіяся мѣста въ администраціи и по военной службѣ. Они считаются прирожденными администраторами и полководцами и въ этихъ качествахъ причиняли уже не мало вреда. Всѣмъ памятна еще роль Николая Николаевича, главнокомандующаго въ русско-турецкой войнѣ, благодаря неспособности и неумѣнію котораго многіе тысячи русскихъ людей погибли въ снѣгахъ Балканскихъ горъ.

Для того чтобы угодить своему брату, Александру II., великій князь захотѣлъ взять Плевну какъ разъ къ его именинамъ и погубилъ такимъ образомъ въ совершенно безсмысленномъ штурмѣ нѣсколько тысячъ людей.

Какая-то проститутка, которая въ это время держала великаго князя подъ своей туфлей, разъѣзжала повсюду вмѣстѣ съ нимъ и была настоящимъ главнокомандующимъ. По ея указаніямъ распредѣлялись награды и ордена. Когда наконецъ Николая Николаевича смѣстили, новому главнокомандующему трудно было поправить всѣ ошибки, сдѣланныя великимъ княземъ. Но о десяткахъ тысячъ

человѣческихъ жизней, пожертвованныхъ по легкомыслію его, рѣдко кто вспоминаетъ.

Несмотря на многократные неудачные опыты, великіе князья, получающіе уже въ пеленкахъ всякіе чины и ордена, назначаются на самые высокіе и отвѣтственные посты, на зло всей Россіи, и будутъ назначаться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самодержавіе. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ сущности они сами, вліяя на царя, правятъ государствомъ. Около нихъ группируются узлы интригъ и государственныхъ подвоховъ, черезъ нихъ различные льстецы и пресмыкающіеся добираются до министерскихъ троновъ. Не легко будетъ будущей русской революціи очистить эти авгіевы конюшни.

Въ своей личной жизни русскіе великіе князья славятся необузданнымъ распутствомъ. Народныя денежки швыряются безъ мѣры и безъ счета на вино и женщинъ, и если не хватаетъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя отпускаются имъ изъ государственной казны и выручаются изъ заповѣдныхъ имѣній, то дѣлаются долги на счетъ страны, или забираются общественныя деньги. Всѣмъ извѣстна исторія съ великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ, который былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по постройкѣ церкви въ память Александру II. Великій князь растратилъ 600,000 руб. изъ отпущенныхъ на постройку денегъ и церковь осталась не оконченной въ теченіе 20 лѣтъ, пока изъ гооударственной казны не пополнили затрату.

Великій князь Борисъ, отправляясь въ Манджурію на театръ военныхъ дѣйствій, привезъ съ собой цѣлый гаремъ проститутокъ и распутство начало принимать угрожающіе размѣры. Изъ-за этого у великаго князя вышелъ конфликтъ съ Куропаткинымъ и, ввиду серьезнаго положенія русской арміи, Борисъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Эти примѣры

характеризуютъ великокняжескую среду и придворныя сферы, въ которыхъ еще со временъ Екатерины Великой господствуетъ самый необузданный и утонченный развратъ. —

Въ семьѣ не безъ урода. И въ царской фамиліи находятся отдѣльные члены, которые не повинуются установленному режиму и проявляютъ непозволительное „вольнодумство“, нарушая установленныя традиціи. Русскимъ великимъ князьямъ позволяется жениться только на особахъ, имѣющихъ княжескіе титулы, и то только съ разрѣшенія царя. Любовь и симпатіи здѣсь не играютъ роли и всецѣло подчинены политическимъ соображеніямъ. За несоблюденіе этого положенія былъ удаленъ въ 1903 г. со службы великій князь Павелъ Александровичъ. По этому поводу иностранныя газеты сообщали слѣдующія подробности. На одномъ изъ придворныхъ баловъ вдовствующая императрица обратила вниманіе, что на M-me Пистолькорсъ то самое брилліантовое колье, которое она когда-то подарила покойной женѣ Павла Александровича. Послѣдній былъ призванъ къ отвѣту и покаялся, что находится въ связи съ Пистолькорсъ. Тогда послѣдовала какая-то высочайшая репрессія по адресу мужа Пистолькорсъ, занимающаго довольно видную должность, за то, что онъ смотритъ сквозь пальцы на амуры своей жены. Между супругами начался бракоразводный процессъ. Для расторженія брака понадобилось разрѣшеніе царя, которое тотъ далъ только послѣ того, какъ Павелъ Александровичъ торжественно поклялся не жениться на Пистолькорсъ. Пока шелъ бракоразводный процессъ, Павелъ Александровичъ переводилъ за границу свои капиталы, а по окончаніи процесса переѣхалъ заграницу и повѣнчался въ Ливорно съ Пистолькорсъ.

Предварительно Павелъ Александровичъ обратился къ царю за разрѣшеніемъ повѣнчаться. Въ своемъ прошеніи

онъ указалъ что и Александръ II., сейчасъ же послѣ смерти своей супруги, повѣнчался съ княжной Юрьевской-Долгоруковой, для того чтобы узаконить трехъ дѣтей, которыхъ она ему родила еще при жизни законной жены. Теперь эти дѣти пользуются всѣми правами великихъ князей.

Государь не далъ разрѣшенія, но онъ и не рѣшился бы исключить Павла Александровича изъ службы за непослушаніе и лишить его великокняжескаго званія, если къ этому его не побудила бы сестра государыни, которая сама была прежде въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Павломъ Александровичемъ.

Павелъ Александровичъ не единственный членъ императорской фамиліи, который преслѣдуется за недозволенный царемъ бракъ. То же самое произошло и съ великимъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ и Николаемъ Константиновичемъ. Послѣдній впалъ въ немилость въ началѣ царствованія Александра III. О согрѣшеніяхъ его идутъ различные слухи. Разсказываютъ, что онъ навлекъ на себя преслѣдованія тѣмъ, что открыто проявлялъ свою радость по поводу убійства Александра II. и устроилъ по этому случаю кутежъ. Извѣстно только, что Николай Константиновичъ былъ высланъ подъ строгимъ надзоромъ въ Оренбургъ, гдѣ онъ безъ разрѣшенія царя женился на дочери полиціймейстера. Потомъ его сослали въ Туркестанскую область, гдѣ онъ жилъ въ страшной глуши. Теперь Николаю Константиновичу позволено поселиться въ небольшомъ городкѣ на южномъ берегу Крыма, въ Балаклавѣ. Городокъ расположенъ у красивой бухты, врѣзывающейся въ горы южнаго Крыма, и населенъ нѣсколькими сотнями греческихъ рыбаковъ.

Въ городкѣ, гдѣ раньше государственная власть была представлена однимъ скучающимъ городовымъ, вмѣстѣ съ

великимъ княземъ поселились 15 жандармскихъ унтеровъ, которые слѣдятъ за каждымъ шагомъ высокаго обывателя. Въ качествѣ адъютанта къ великому князю прикомандированъ жандармскій офицеръ, который поселился съ нимъ въ одномъ домѣ и неотлучно находится при немъ. На прогулки велилій князь выѣзжаетъ только въ сопровожденіи „адъютанта“ и безъ его вѣдома не имѣетъ права выйти изъ дому. Сначала позволили великому князю два раза въ недѣлю ѣхать на концерты въ Севастополь, находящійся въ 16 верстахъ отъ Балаклавы, но потомъ запретили и это. Если великій князь на улицѣ вступаетъ съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ, немедленно вылѣзаетъ изъ ближайшихъ воротъ жандармъ, подкарауливавшій его, и велитъ обывателю немедленно убраться. Къ великому князю не допускается ни одинъ посторонній человѣкъ. Къ свитѣ великаго князя принадлежитъ и военный врачъ, который назначается начальствомъ изъ среды самыхъ „благонамѣренныхъ.“ Хотя великій князь такимъ образомъ живетъ какъ-будто на свободѣ, но на самомъ дѣлѣ онъ изолированъ отъ внѣшняго міра не меньше, чѣмъ любой заключенный за тюремной рѣшеткой. И душевныя страданія, причиненныя такимъ пожизненнымъ „заключеніемъ“, должно быть, не менѣе мучительны, чѣмъ душевныя драмы Петропавловскихъ и Шлиссельбургскихъ казематовъ. Какимъ непрочнымъ долженъ считать царь свое положеніе, если онъ долженъ прибѣгнуть къ такимъ безчеловѣчнымъ мѣрамъ даже по отношенію къ членамъ собственной фамиліи.

Заключеніе.

Наконецъ вспыхнула въ Россіи революція. Доигрался царизмъ. 9 января будетъ записано въ русской исторіи неизгладимыми, кровавыми буквами.

Если бы царь былъ умнѣе, если его совѣтники отличались бы хоть каплей дальновидности, событія 9 января были бы невозможны. Положеніе самодержавія было уже окончательно поколеблено несчастной войною, приведшей къ непрерывному ряду позорныхъ пораженій, къ сдачѣ Портъ-Артура, къ совершенному уничтоженію тихоокеанской эскадры. Самодержавію былъ изрѣченъ смертный приговоръ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, выразившимся съ рѣдкимъ единодушіемъ въ заявленіяхъ земствъ и коллегій адвокатовъ, врачей, писателей и даже профессоровъ. Но монархія, казалось, имѣла еще крѣпкіе корни не только во мнѣніи образованнаго общества, но и во взглядахъ и чувствахъ народа.

Если бы царское правительство пошло на уступки общественному мнѣнію и уничтожило бы самыя кричащія злоупотребленія и административный произволъ, если бы царь согласился созвать выбираемыхъ народомъ представителей и уступилъ бы имъ хоть часть власти, монархическій принципъ былъ бы въ Россіи надолго упроченъ.

Но совѣтники царя, въ своей политической близорукости толкаютъ его къ поступкамъ, которые угрожаютъ не только самодержавію, но и монархіи. Партія Побѣдоносцева и великихъ князей стремится къ сохраненію самодержавія, не понимая, что черезчуръ усердствуя въ этомъ направленіи можно совсѣмъ свергнуть домъ Романовыхъ съ престола. Стараясь сохранить то, что должно быть потеряно, они рискуютъ потерять даже и то, что еще можно было сохранить.

Царь и правительство колеблются подъ напоромъ несчастій, постигающихъ страну благодаря преступной политикѣ. Послѣ смерти Плеве правительство какъ будто хотѣло вступить на путь уступокъ. Долго искали новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Петербуржцы шутили, что царь ищетъ министра, который былъ бы глупѣе его, но не можетъ найти такого. Назначеніе на этотъ постъ полулиберальнаго кн. Святополка-Мірскаго развязало уста общественному мнѣнію и со всѣхъ концовъ Россіи посыпались адреса и резолюціи всевозможныхъ обществъ и корпорацій, требующихъ единогласно конституціи. Пресса заговорила о насущныхъ потребностяхъ страны. Повсюду поднялось оживленіе и движеніе. Долго такъ не могло продолжаться. Нужно было или удовлетворить общественное мнѣніе, или закрыть ту форточку либерализма, черезъ которую не то съ разрѣшенія начальства, не то противъ воли его, началъ дуть тотъ свѣжій вѣтерокъ, который остроумный фельетонистъ прозвалъ „политическимъ сквознякомъ“.

И закрыли форточку... заработалъ Побѣдоносцевъ, зашевелились всѣ темныя силы придворнаго болота и Святополкъ-Мірскій, не удовлетворявшій ни общество, ни правительство, ни либераловъ, ни реакціонеровъ, долженъ былъ уйти.

Долго хромала бы еще русская политическая жизнь, если бы не выступилъ на сцену священникъ Гапонъ, возбудившій въ короткое время все рабочее населеніе Петербурга противъ царя. Гапонъ — историческая личность. Имѣлъ ли онъ уже раньше широкіе политическіе планы и скрывалъ ихъ до поры до времени, организуя рабочихъ для экономической борьбы подъ крылышкомъ жандармскихъ властей, или только событія послѣдняго времени толкнули его съ мирной экономической борьбы на широкое поприще политическихъ требованій, это разберетъ исторія. Какъ бы то ни было, онъ нанесъ такой ударъ не только самодержавію, но и монархической идеѣ, какого не могла нанести ему въ такое короткое время ни одна политическая партія.

Самъ не вѣря въ царя, онъ хотѣлъ и въ народѣ поколебать ту вѣру въ царя-батюшку, тотъ предразсудокъ о благоволеніи царя къ народу, который еще коренится въ душѣ темныхъ, безсознательныхъ слоевъ народа. И это ему удалось самымъ блестящимъ образомъ. Онъ не только показалъ народу безсмысленность надежды на царя, онъ создалъ революцію. 9 января никогда не забудется русскимъ народомъ и никогда не простится дому Романовыхъ. Пули, которыми были встрѣчены рабочіе, отправлявшіеся къ царю съ петиціей, убили вѣру въ царя и нанесли неизлѣчимыя раны монархической идеѣ.

Петиція, составленная Гапономъ, написана въ простыхъ, но сильныхъ, захватывающихъ выраженіяхъ и произвела громаднѣйшее впечатлѣніе на народъ не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи. Вотъ этотъ историческій документъ:

Государь!

Мы, рабочіе города С.-Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители — пришли къ тебѣ, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества, насъ душатъ деспотизмъ и произволъ, и мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію. Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ. И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногаго просимъ; мы желаемъ только того, безъ чего жизнь не жизнь, а каторга, вѣчная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, — но и въ этомъ намъ отказали, намъ отказали въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что такого права за нами не признаетъ законъ. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочихъ часовъ до восьми въ день, устанавливать цѣну на нашу работу вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода; увеличить чернорабочимъ и женшинамъ плату за ихъ трудъ до 1 рубля въ день; отмѣнить сверхурочныя работы; лѣчить насъ внимательно и безъ оскорбленій; устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга. Все оказалось, по мнѣнію нашихъ хозяевъ, противозаконно, всякая

наша просьба — преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе — дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ.

Государь! Насъ здѣсь больше трехъ сотъ тысячъ — и все это люди по виду только, по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человѣческаго права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ въ защиту интересовъ рабочаго класса, бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку. Караютъ, какъ за преступленіе, — за доброе сердце, за отзывчивую душу, — пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго человѣка — значитъ совершить тяжкое преступленіе. Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? И развѣ можно жить при такихъ законахъ? Не лучше ли умереть — умереть всѣмъ намъ, трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вотъ что стоитъ предъ нами, Государь! И это насъ и собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ; къ намъ оно не доходитъ, — мы получаемъ только горе и униженіе. Взгляни безъ гнѣва, внимательно на наши просьбы, онѣ направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, государь. Не дерзость въ

насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь ему только и извѣстны истинныя его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими его; повели немедленно сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Тутъ пусть будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель, — пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей. Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ — это самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ залечить всѣхъ нашихъ ранъ. Необходимы еще другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, государь, о нихъ. Необходимы:

I. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1. свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраній, свобода совѣсти въ дѣлѣ религіи;
2. общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ;
3. отвѣтственность министровъ предъ народомъ и гарантія законности управленія;

4. равенство предъ закономъ всѣхъ безъ исключенія;
5. немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за убѣжденія.

II. Мѣры противъ нищеты народа:

1. отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ, прогрессивнымъ и подоходнымъ налогомъ;
2. отмѣна выкупныхъ платежей, дешевый кредитъ и постепенная передача земель народу.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1. охрана труда закономъ;
2. свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ;
3. 8-мичасовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ;
4. свобода борьбы труда съ капиталомъ;
5. участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроекта о государственномъ страхованіи рабочихъ;
6. нормальная заработная плата.

Вотъ, государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Повели и поклянись исполнить ихъ и ты сдѣлаешь Россію и счастливой, и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу — мы умремъ здѣсь на этой площади предъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда больше итти и не зачѣмъ. У насъ только два пути — или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, государь, любой изъ нихъ, мы пойдемъ по немъ безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти, пусть наша жизнь будетъ жертвой

для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

* * *

9 января русское правительство совершило не только преступленіе — это исторія по большей части прощаетъ — но и глупость, а это исторіей не прощается. Оно въ излишней самоувѣренности хотѣло пулями запугать рабочую массу и стрѣляло безъ всякой надобности. Оказалось, что народъ не испугался выстрѣловъ, но только еще болѣе озлобился и возгорѣлъ ненавистью не только къ бюрократіи, но и къ самому царю. Зажигательныя письма Гапона къ народу, призывающія къ борьбѣ противъ „звѣря царя“ и его „шакаловъ министровъ“, расходятся по всей странѣ, будя злобу и ненависть и поднимая всѣ слои общества на бозпощадную войну противъ монарха со всѣмъ его „августѣйшимъ змѣинымъ отродьемъ“.

ПОСЛАНІЯ ГАПОНА.

Посланіе къ войскамъ.

Солдатамъ и офицерамъ, убивавшимъ своихъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, и всѣмъ угнетателямъ народа, — мое пастырское проклятіе; солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — мое благословеніе. Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшему пролить неповинную народную кровь, разрѣшаю.

Георгій Гапонъ. 9 января, 12 час. ночи.

Посланіе къ рабочимъ.

Родные товарищи рабочіе! Итакъ, царя нѣтъ. Неповинная кровь легла между нимъ и народомъ. Да

здравствуетъ же начало народной борьбы за свободу! Благословляю васъ всѣхъ. Сегодня же буду у васъ. Сейчасъ занятъ дѣломъ. О. Георгій.

Посланіе къ рабочимъ.

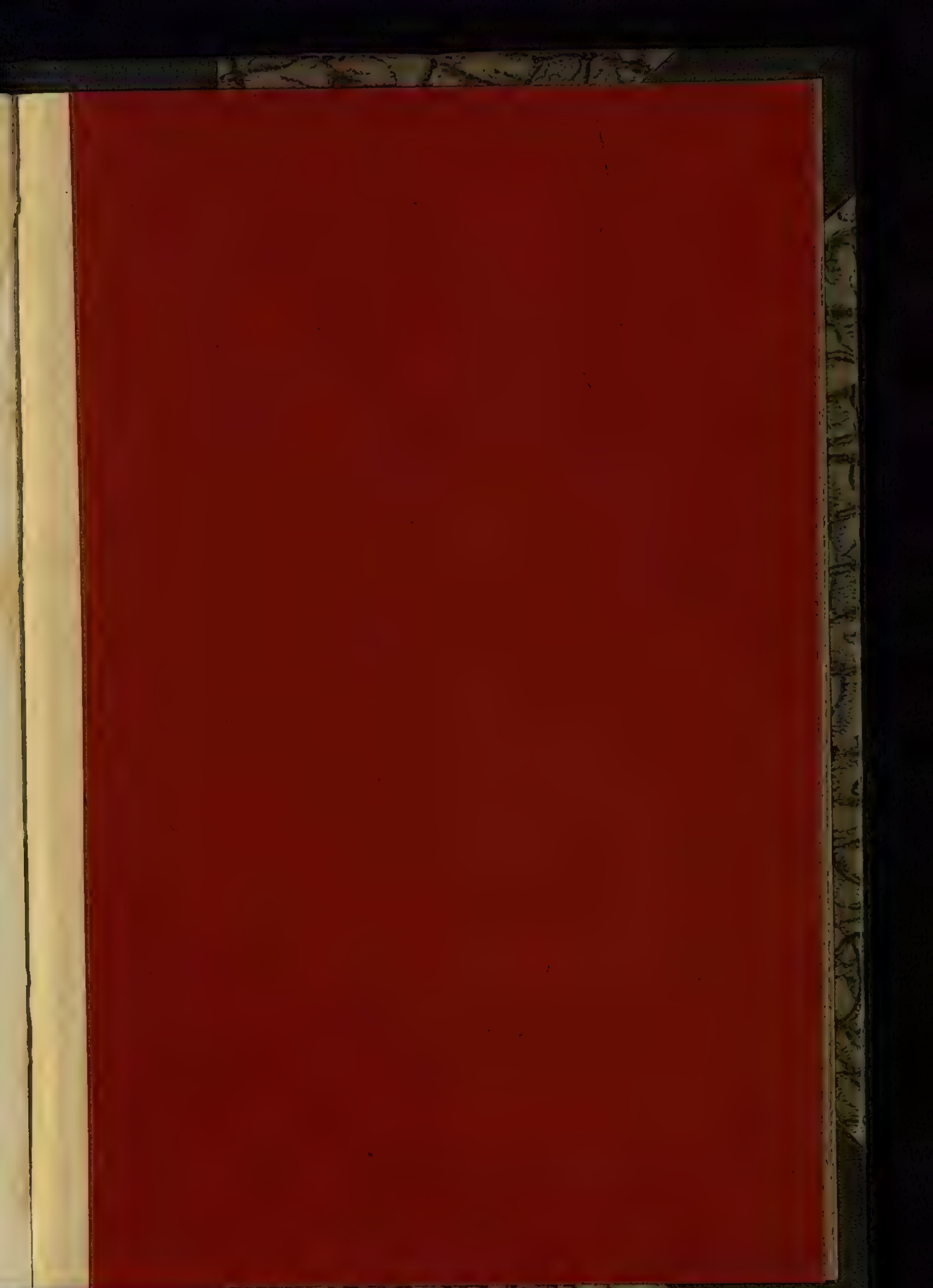
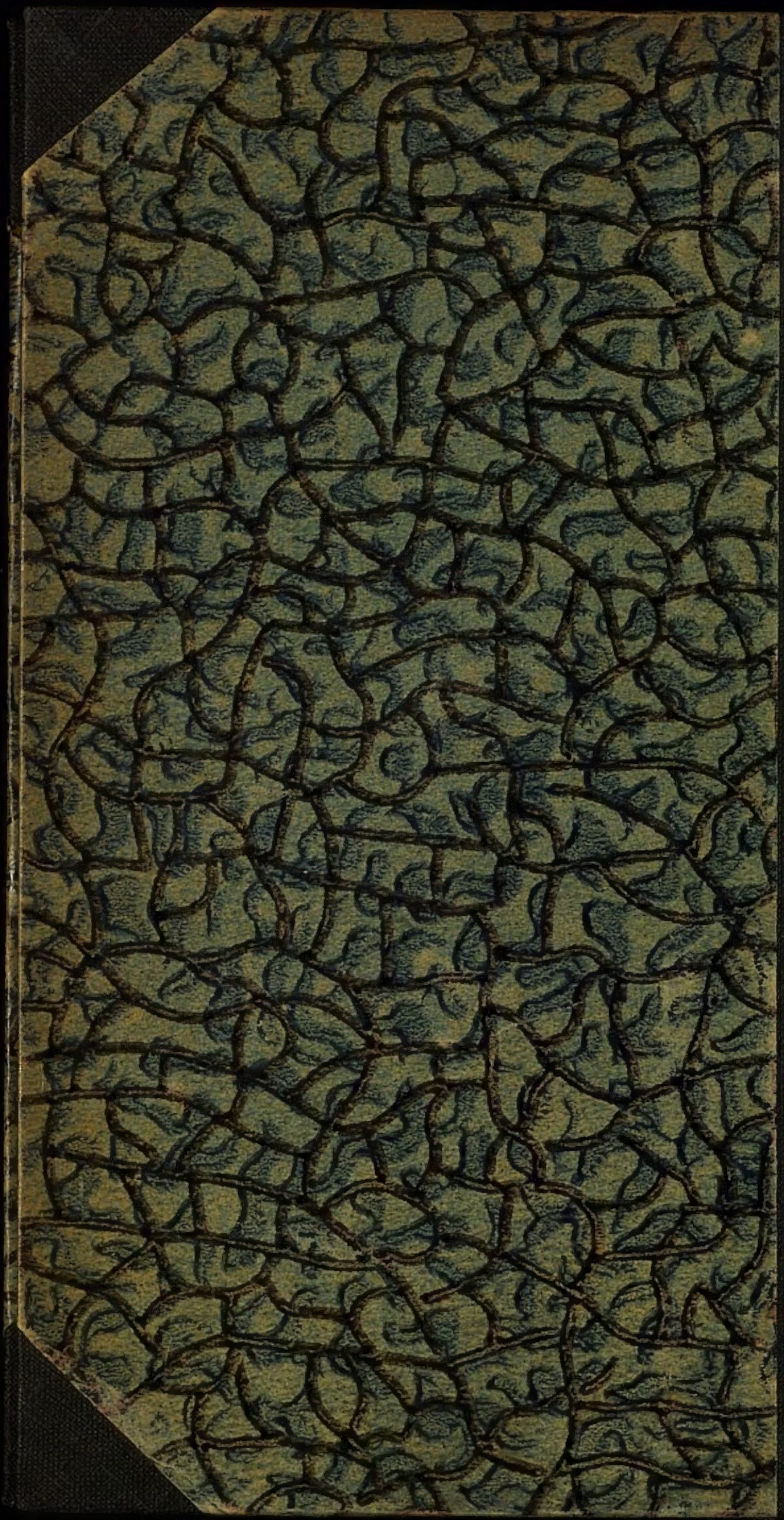
Родные товарищи рабочіе! Неповинная народная кровь пролилась! Затаимъ же чувство злобы и мести къ звѣрю царю и его шакаламъ министрамъ. И, вѣрьте, близокъ, близокъ тотъ день, когда, рабочая рать болѣе грозная, болѣе сознательная встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ за свою свободу, за свободу всей Россіи. Не плачьте же по погибшимъ героямъ, утѣшьтесь: мы разбиты, но не побѣждены. Разорвемъ лучше всѣ портреты кровопійцы-царя и скажемъ ему: да будешь ты проклятъ со всѣмъ своимъ августѣйшимъ змѣинымъ отродьемъ!

Свящ. Георгій Гапонъ. 9 января 1905 г.

* * *

Царю представилась 9 января возможность надолго укрѣпить свое положеніе въ государствѣ и создать для своей династіи прочный фундаментъ въ народномъ сознаніи. Если бы онъ вышелъ къ народу, устремившемуся къ нему, если бы онъ сказалъ нѣсколько словъ и обѣщалъ бы хоть на капельку смягчить народныя страданія, многомилліонная масса отнеслась бы къ нему съ новымъ довѣріемъ и воспылала бы снова къ нему своей инстинктивной, основанной на предразсудкѣ любовью. Это было бы величайшимъ торжествомъ монархической идеи.

Но вмѣсто этого царь погубилъ самодержавіе, искоренилъ народную вѣру въ себя и вызвалъ революцію. Во всякомъ случаѣ не русскому народу придется пожалѣть о такомъ поворотѣ исторіи. Революція пока подавлена,

но она не побѣждена и теперь ее уже нельзя побѣдить. Подавленная въ одномъ мѣстѣ, она вспыхнетъ въ другомъ; потушенная сегодня, она возгорится завтра — пока она не выйдетъ побѣдительницей. Каковы бы ни были различныя перипетіи борьбы, въ конечномъ счетѣ отъ революціи русскій народъ можетъ только выиграть, правительство — только потерять.

Хотя революція потребуетъ много крови и много жертвъ, но всякій истинный другъ народа все-таки встрѣтитъ ее съ восторгомъ. Свобода, данная народу сверху, добровольно — непрочна; народъ только со временемъ начинаетъ цѣнить ее. Свобода же, завоеванная кровью, становится прочнымъ достояніемъ народа и твердымъ залогомъ дальнѣйшаго прогресса.